Галина Чередий

Инь vs Янь

1-2 части в одном томе

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Галина Чередий

Инь vs Янь. Книги 1-2

«Галина Чередий»

2016

Чередий Г.

Инь vs Янь. Книги 1-2 / Г. Чередий — «Галина Чередий», 2016

Кто ты для меня? Друг? Враг? Временный союзник? Возлюбленный во веки веков?Кто я для тебя? Лишь средство для достижения намеченной цели? Ключ к всевластию? Или Единственная, что спасет твой мир от тебя самого? Авторское предупреждение:Главные герои – причем оба – совершенно точно не пример для подражания, ибо эгоистичны, пофигистичны, импульсивны и весьма несдержанны. Если вам нужны трепетно вздыхающие девы и рыцари без страха и упрека, вам точно не сюда.Содержит откровенные сцены в большом количестве.Содержит нецензурную брань.

© Чередий Г., 2016
© Галина Чередий, 2016

Содержание

Часть первая 5
Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 13
Глава 4 16
Глава 5 21
Глава 6 26
Глава 7 30
Глава 8 34
Глава 9 39
Глава 10 43
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Часть первая

Глава 1

Музыка давила на мой уже изрядно одурманенный алкоголем мозг, подстраивая сердцебиение под низкую вибрацию басов. Люблю танцевать, отдаваться ритму, ощущать его всем телом, следовать ему, впитывая и отключаясь от всего извне. Но сегодня ни музыка, ни коктейли, которыми я уже залилась до полного бака, не давали мне забыться. Я не могла расслабиться, представить хоть на несколько недолгих часов, что моя жизнь не полное дерьмо, и в ближайшее время станет только хуже.

– Мне надоели твои загулы! – воспоминание об очередном скандале, который закатил мне отец. Очередном, но, похоже, призванном донести до меня, что родитель намерен изменить мою жизнь теперь уже всерьез.

– Сколько можно уже пытаться тебя воспитывать и увещевать! – махал он руками, и его лицо покрылось красными некрасивыми пятнами, а на лбу выступил пот.

Я безразлично пожала плечами и прошаркала к своей сумке, валяющейся еще с ночи (или с утра?) на полу, и вытащила пачку сигарет и винтажную зажигалку. Не поздновато ли он вспомнил о моем воспитании? Повернулась спиной к пышущему гневом отцу и прикурила. С наслаждением вдохнула дым.

– Сколько раз я говорил тебе не курить в доме! – снова заорал он, и я схватилась за виски.

– Блин, не вопи так! У меня же башка на хрен взорвется! – огрызнулась я и сделала новую затяжку.

– Следи за языком, Яна! – еще больше повысил он громкость и, подходя ко мне, выдернул сигарету и сломал ее. – Элла беременна, и она не выносит запах дыма!

– Какая, мля, жалость! – усмехнулась я и потянулась за новой сигаретой. – А моя мама не выносила запахи больницы и смерти, которые окружали ее в последние месяцы жизни. Но тебя это не волновало, ты просто бросил ее там, потому что был слишком увлечен этой шлюшкой. И даже не появлялся! Когда она умирала, я держала ее за руку, а ты с этой дорогостоящей шалавой грел брюхо на пляже.

– Не смей оскорблять мою жену! – отец сорвался уже на визг. – Ты обязана уважать ее!

– Моя мать была твоей женой тринадцать лет! И ты не соизволил оказать ей достаточно уважения, чтобы дать умереть, не узнав, что мужчина, которого она любила больше всего на свете, был просто похотливым мудаком! Разве ты не мог сказать этой своей сучке, чтобы она потерпела хотя бы до того, пока глаза моей матери закроют, прежде чем наложить на тебя свои загребущие ручонки!

– Не смей! Заткнись немедленно! – завопил отец и схватился за сердце.

Жалко мне его? Ни хрена подобного!

– Хватит, – наконец, задыхаясь, проговорил он. – Я понимаю, что виноват и совершил ошибку. Но не намерен расплачиваться за нее всю оставшуюся жизнь, терпя твои выкрутасы. У меня новая жизнь, новая семья, и скоро родится второй ребенок! Я хочу жить спокойно и радоваться своему семейному счастью!

– Я за тебя искренне рада. Надеюсь, твои новые «правильные» детки не будут такими сплошными разочарованиями, как я! – Я снова попыталась прикурить, но отец выхватил из моих рук и пачку, и зажигалку и швырнул через всю комнату. При этом попал в одну из столь любимых его сукой-женой понтовых дорогущих статуэток, и та упала со стеллажа, разлетевшись в мелкие кусочки при ударе о каменный пол. Эллочка-людоедка будет в ярости, и от этого мои губы сами собой расползлись в довольной ухмылке.

– Яна! С меня достаточно! – опять перешел на повелительный рык отец. – Ты выходишь замуж, и пусть теперь твой муж справляется с твоими выкрутасами!

Что? Это что-то новенькое!

– Замуж? – Я, блин, даже слегка заинтересована. – Ты что, уже начал впадать в старческий маразм?

– Не смей со мной так разговаривать!

– А как мне с тобой разговаривать? Какой, по-твоему, сейчас год, отец? Ты что, всерьез думаешь, что я соглашусь выйти замуж просто потому, что ты топнул ножкой и заорал на меня, и потому что тебе надоело меня терпеть?

– Думаю, что другого выхода у тебя просто нет! Ты привыкла к определенному уровню жизни и не знаешь, что такое быть стесненной в средствах. Так вот, если откажешься, я лишу тебя всего! Пойдешь работать уборщицей или официанткой!

– Чушь! Ты не посмеешь этого сделать!

– Уже посмел! Твои кредитки заморожены! Мне надоело находить подробности твоих похождений в газетах и сети! Выйдешь замуж и будешь сидеть спокойно хотя бы год! Потом получишь свои деньги назад и делай что хочешь! А с меня достаточно!

– Ну, и кто этот камикадзе, пожелавший стать моей жертвой на целый год? – кровожадно ухмыльнулась я.

– Вячеслав Горин.

– Вячик? – Если честно, я удивлена.

Андрей Горин – вечный компаньон и деловой партнер моего отца уже черт-те сколько лет. Вячика я знала чуть ли не с пеленок, как и он меня. И, разумеется, для меня никакой не секрет, что этот правильный мальчик-ботан пускал по мне слюни, сколько себя помню. А после моего возвращения из закрытой школы он вообще жрал меня глазами при каждой встрече. Он, конечно, тоже изменился за те годы, что мы не виделись. Из тощего прыщавого заучки превратился в этакого утонченного метросексуала. Холеного, ухоженного, от которого разило деньгами и властью издалека. Но я чуяла внутри него все того же заикающегося при мне мальчишку и не могла увидеть в нем мужчину. Не в этой жизни.

– Неужели ты думаешь, папочка, что такому, как Вячик Горин, под силу обуздать меня? – фыркнула я.

– На самом деле, я так устал от всего, что ты творишь, что мне плевать! Если он желает повесить себе на шею такой камень, как ты, то так тому и быть! Я умываю руки!

«Камень на шею». Ну да, ничем иным я для своего отца никогда и не была. Проблема, вечный гемор, чертово бельмо на его идеальном глазу. Я прекрасно понимала и осознавала все это, что, однако, не делало дыру у меня в груди меньше. Даже когда казалось, что она давно онемела и не истекала кровью, всегда находилось что-то, чтобы всковырнуть, разбередить ее заново.

Я развернулась и пошла к себе в комнату.

– Яна, на этот раз я абсолютно серьезен! Горины послезавтра будут у нас на ужине, и там же мы объявляем о вашей скорой свадьбе! Попробуешь что-то вытворить или не явиться, и тогда узнаешь, насколько ты меня уже достала! – прокричал отец. – Мы начинаем с Гориными новый проект, в который вложена масса денег и сил, и только попробуй все испортить!

Я обернулась и мило улыбнулась.

– Так вот оно что, отец! Ты решил сразу решить все свои проблемы? И меня сбагрить со своих плеч, и заодно скрепить свой новый контракт семейными узами? А я должна лечь под Вячика в качестве гарантии вашей вечной коммерческой преданности друг другу? Браво! Наконец-то ты нашел достойное применение своей бесполезной и беспутной дочери. А и правда, зря я, что ли, вся из себя такая красавица выросла? Теперь хоть можно в нужный

момент под бизнес-партнеров подкладывать! – мой голос журчал, и я не выпускала наружу все то море желчи и боли, что готово буквально хлынуть из всех моих пор.

– Яна! Как ты смеешь говорить такое! – Отец опять схватился за сердце, но мне было плевать, и я продолжила:

– А срок ты установил в один год, потому что будут новые проекты и новые деловые партнеры, и мое умение широко раздвигать ноги может снова пригодиться?

Развернулась и ушла, не желая просто больше слышать, что именно он кричал.

Глава 2

– Привет, солнышко! – проорали в ухо, возвратив меня в мир бахающей музыки и потных танцующих тел.

Повернула голову и увидела своего бывшего одноклассника Антона Малинина. Кивнула, растягивая губы в ненастоящую улыбку.

– Пришла расслабиться? – снова наклонился он к моему уху, и я заметила, как он пялится в низкий вырез моего платья. Насрать. Просто кивнула.

– Ну тогда почему расслабленной ты не выглядишь? – не отставал он.

Я подняла свой опустевший бокал.

– Сейчас добавлю и расслаблюсь, – перекрикнула музыку в ответ.

– У меня есть кое-что получше. Хочешь? – он продемонстрировал мне таблетки.

Никогда раньше не пробовала это дерьмо, но почему бы и нет? Как будто моя жизнь может стать еще хреновей от нескольких часов дурного кайфа.

– Хочу!

Проглотила предложенное, и мы пошли танцевать. Постепенно мир вокруг почему-то начал становиться ярче и несуразно рельефнее и при этом как-то лишался мелких, портящих все подробностей. Черт его знает, как объяснить, да и особой необходимости не вижу. Все дерьмо откатилось от меня, и на какое-то время остались только музыка и я, существующая лишь для того, чтобы ловить ее своей кожей. Малинин терся об меня, тесно прижимаясь, и я отчетливо чувствовала, что он сильно возбужден. На меня тоже накатил приступ похоти, но его я точно не хотела. Скользнула взглядом, но натыкалась только на мажорчиков разных мастей, вроде самого Антоши, и поняла, что не хочу ни одного из этих прилизанных парнишек с искусственной крутизной. Пошла к туалетам, и неожиданно меня словно что-то царапнуло. Посмотрела вперед и увидела мужика, привалившегося к барной стойке и сканировавшего толпу прищуренным безразличным взглядом. Сказала «мужик», потому что назвать его парнем язык не повернулся бы. И дело не в возрасте, не в манере одеваться, а в чистейшей самцовой энергетике, которая щедро, даже навязчиво излучалась от него в окружающее пространство. Она была во всем. В позе, повороте головы, очертаниях сильного большого тела, во взгляде, который захватывал и обездвиживал. Мужчина у бара – хищник, хозяин, готовый взять и присвоить все, что только пожелает. Такой взгляд бывает только у тех, кто всегда получает желаемое и никогда не считается с желаниями окружающих. Он просто придирчиво выбирает, протягивает руку и берет. Это и притягивало, и бесило одновременно. И при этом вызывало во мне удушливую неодолимую похоть, похожую на стремительный прилив, от которого и хотел бы убежать, но не можешь двигаться достаточно быстро. Поймала себя на том, что просто стою и пялюсь прямо в глаза этому зверю, отмечая краем одурманенного сознания резкие, агрессивные линии его лица и то, как требовательно трепещут его ноздри. Обычно таких, как он, терпеть не могу, трясет просто от того, как подобные самоуверенные засранцы буквально гнут под себя мир самим фактом своего в нем присутствия. Но, видимо, алкоголь, злость и дурь в моей крови сегодня трансформировались в примитивное желание окунуться в такую энергетику, отдать себя под власть такого наглого самца. Ощутить – каково это. Или все дело в его неотрывном удерживавшем мое внимание взгляде. В нем требование подчиниться, некая властная угроза, понуждающая меня желать приблизиться. И все же… хоть мой мозг и был затуманен, но я понимаю, что это определенно не мое. Я всегда предпочитала быть «сверху» в любых отношениях, сколько бы они ни длились. Разве не достаточно лишь раз даже мельком взглянуть на этого зверя у барной стойки, чтобы понять: наверх он никого не пустит. Никогда. И тут же вступили в игру мое любопытство и неуемная жажда незнакомых ощущений, отпущенная с цепи убойным коктейлем, плещущимся сейчас в моей крови. «Но ведь один случай-

ный перепих – это ни хрена и близко никакие не отношения. Ведь так?» – искушало меня мое подсознание. А может, это не оно, а просто алкоголь и наркота. Как бы там ни было, прямо сейчас зов организма оказался настойчивей, и я, разорвав силовые линии магнетического взгляда незнакомца, отправилась туда, куда, собственно, и шла. И, возможно, мне почудилось, но на бесстрастном до этого лице хищника появилось мимолетное выражение удивления.

Зашла в туалет и долго плескала себе на щеки и лоб водой, рассматривая собственное бледное лицо с ошалевшими глазами. Могу я просто переспать с этим источающим откровенную животную сексуальность самцом? А то! Я же, типа, еще не продана, так что пока могу делать что хочу!

Вышла из уборной, но незнакомца уже не было у бара. Почувствовала легкое разочарование, а потом навалилась апатия. Ну и хрен с ним! Протолкнулась через толпу и выскользнула из клуба. Закурила и привалилась к стене, выпуская дым в городское беззвездное небо.

– Уже напрыгалась? – Голос рядом низкий, грубый, словно задевающий внутри какие-то точки, заставляющий вздрогнуть даже в таком моем похеристическом состоянии. Повернула голову и увидела Его. Он опирался плечом о стену рядом со мной, и его здоровенный силуэт заслонял свет от входа в клуб, будто отрезая от реальности. Такое впечатление, что даже звуки стали глуше. Сквозь запах моей сигареты я уловила его аромат. Кожа, парфюм, нотки мускуса и сандала и еще что-то экзотически странное, видимо, свойственное только ему. Подняла глаза от широкой груди, обтянутой брендовой футболкой, к крепкой шее. Затем посмотрела на его нижнюю челюсть, покрытую, как и скулы, однодневной щетиной, и на жесткие губы. Его рот немного скривился в намеке на улыбку, но даже от нее веяло самоуверенностью и властностью, будто ничего, кроме приказов, из этого рта никогда не вылетало. Пропутешествовала взглядом выше и встретилась с его глазами. Мужчина стоял от света, их цвет не смогла разобрать. Но явно темные. Смотрел пристально, не моргая, опять захватывая, завораживая, четко разграничивая, кто тут хищник, а кто добыча. Причем уже та, которой не спастись, хотя подергаться она может, чтобы позабавить и раздразнить аппетит, запутываясь в ловчей паутине все больше. Но я не готова была чувствовать себя настоящей добычей, так что, поиграем? Отвернулась, отказываясь признавать его воздействие, и сделала новую затяжку, зацепив краем глаза, как незнакомец едва заметно скривился. Не нравится, что курю? Или злит, что не позволила так сразу одержать победу? Да пофиг!

– Выпьем еще чего-нибудь? – Из его уст это даже не предложение, а прямое указание.

– Может, сразу трахнемся? – ответила, даже не поворачивая головы.

Он хмыкнул и наклонился ближе, прямо заглядывая мне в глаза. Смотрел несколько секунд, словно желая забраться внутрь, отыметь визуально прямо на месте. Не так быстро, зверюга! Опустила веки, обламывая его. Буквально в воздухе чую, что его это злит. Да ладно, мужик, я позволю тебе вести… Чуть позже.

– И во сколько мне обойдется удовольствие оттрахать тебя, как я хочу? – раздраженно прорычал он и тут же сам себе ответил: – Хотя по хрену. Поехали!

Он схватил меня за локоть и потащил на стоянку. Я совсем сошла с ума и собралась заняться сексом с незнакомцем, который может оказаться маньяком-убийцей или каким-то гребаным извращенцем? Похоже на то, и меня это сейчас ни хрена не тревожило. Только забавляло. Поэтому я не сопротивлялась, а пошла с ним. Мелькнула мысль, что в нормальном состоянии я за такое обращение ему бы устроила короткое, но весьма запоминающееся свидание с моим шокером, но сейчас мне интересно, что будет дальше.

Он подтащил меня к роскошной иномарке и буквально запихнул на переднее сидение. Мы ехали по ночному городу. В гостиницу? Как будто мне было до этого дело.

– У тебя презервативы есть? – спросила, глядя в окно. Меня в нынешнем состоянии просто завораживало это мелькание разноцветных огней. Почти весело.

– Что ты за шлюха, если у тебя их нет, – грубо ответил он, но мне насрать.

Он думает, что я трахаюсь за деньги? Будь я в этот момент в адеквате, наверное, даже оскорбилась бы. А сейчас? Собственный отец собирается меня с выгодой продать сынку бизнес-партнера, и я ему это позволяю, так хера ли стесняться? А с этим я, по крайней мере, по собственному желанию. Прощальная гастроль, твою мать. А что он там обо мне думает… Кого это волнует?

Вкатили на территорию понтового коттеджного поселка. Узнала его. Тут поблизости обитали многие знакомые моего папочки. Такие же упакованные, богатые и внешне благопристойные. Те самые, что в девяностых смогли прогрызть себе путь наверх из общей нищеты, частенько проходясь по чужим костям и оставив в прошлых жизнях прежних жен и детей, не подходящих им теперь по статусу. Теперь у них роскошные дома с золотыми унитазами, шикарные машины, на один стопарь для которых не заработать обычному работяге и за год, идеальные, сверкающие Барби в роли жен, такие же в качестве обязательных любовниц и прилизанные вундеркиндеры, которых ждет великое будущее, желательно не в нашей стране.

Въехали в широкий двор и остановились перед большим домом с какой-то причудливой планировкой. Хотя вполне могло статься, что таковой она казалась моему сейчас не слишком трезвому мозгу. Этот придурок, считая меня проституткой, привез меня домой? Что не так с жизнью мужчины, который выглядит, как этот самец, и при этом таскает только что снятых шлюх не в гостиничные номера, а домой? Да по хрен!

Незнакомец опять схватил меня за локоть и потащил в дом. Наверное, синяки даже останутся. Что, боится, что передумаю и сбегу? Это он зря. За время пути его странный дразнящий запах, наполнявший салон машины, превратил мое тело в средоточие чистой похоти, и я намерена получить удовлетворение любым доступным образом.

Внутри он не включил свет и просто поволок меня по лестнице, пока я не оказалась стоящей перед огромной кроватью, с покрывалом вроде как зеленоватого цвета. Освещения от уличных фонарей, проникающего внутрь, было недостаточно для того, чтобы точно определиться с цветом.

– Раздевайся! – приказ жесткий, как удар плети.

Внутри странным образом переплеталось сильное желание послать его и уйти и стремление подчиниться. Моя истинная сущность бунтовала против подчинения. Но, с другой стороны, я ведь сюда для этого и приехала. Чтобы узнать, каково это – быть с таким, как он. С тем, с кем эта игра может быть абсолютно достоверной.

Повернулась лицом и спокойно сняла платье, а за ним и белье, осталась в туфлях. Выпрямилась и посмотрела на моего незнакомца без тени смущения. Да, засранец, я знаю, как выгляжу, и не ты один так в себе уверен. Его взгляд – тяжелый, оценивающий, горящий ничем не прикрытой похотью. Он меня хочет и скрывать это не намерен. Никакой маскировки и попытки сделать примитивную жажду плотской близости чем-то другим или как-то приукрасить. И я вынуждена сжать зубы от того, каким тягучим, влажным жаром откликалась во мне такая беспардонная демонстрация.

Мужчина разделся, не сводя с меня взгляда, в котором откровенное вожделение постепенно стало лютым, убийственным голодом, и это закручивало внутри меня потоки жидкого, безжалостного пламени. Его обнаженное тело на минуту замерло передо мной. Он дал мне это время, чтобы увидеть, рассмотреть, но об отступлении речь уже явно не шла. И понимание, что он уже не даст мне повернуть назад, приправляло происходящее еще большей остротой. Незнакомец – просто средоточие сухих, рельефных мускулов, длинными жгутами покрывающих его тело, и золотисто-коричневатой кожи. По обоим бокам почти от колен и до подмышек тянулись цепочки из довольно крупных тату, больше всего похожих на иероглифы. На правой стороне груди тоже имелся какой-то темный рисунок, напоминавший некую печать. Он явно не брил грудь и не делал эпиляцию в паху, как это сейчас частенько принято у моделей и золоченых мальчиков. Но, черт возьми, даже со всей своей естественностью он дал бы сто очков

вперед любому из позирующих в белье мускулистых, обмазанных маслом парней. Его плечи сейчас казались еще шире по контрасту с узкими бедрами. В нем не было ни грамма излишней мышечной массы, как у обыкновенного качка. Это тело зверя, хищника, которому безразлична фальшивая красивость. Он оснащен лишь тем, что ему необходимо для выживания, а на то, как это выглядит в глазах окружающих, ему просто плевать. Я уставилась на его член – уже готовый, потемневший, вздувшийся от открыто демонстрируемого вожделения, и поняла, что меня ждет реальный драйв. Мужик одарен знатно. Усмехнулась и столкнулась с раздраженным блеском звериных глаз.

– На кровать! – рявкнул он. – На четвереньки.

А вот это хрен тебе! Легла на спину и нагло пялилась, как он, прожигая меня гневным взглядом, подошел к прикроватной тумбочке и достал презерватив. Продолжая сверлить дыры глазами в моем теле, незнакомец упаковывал свой внушительный ствол. Член подрагивал в его руке, и по огромному телу заметно прокатывалась волна дрожи. Я видела, как мой случайный любовник сжимал челюсти, и слышала, как он резко вдыхал, глядя мне прямо между ног. Я понимала, что он просто адски возбужден, настолько, что скрывать это уже было просто выше его сил. И это добавляло топлива в мое собственное похотливое пламя.

Незнакомец приблизился, и матрас прогнулся под его коленями.

– Я велел тебе встать на четвереньки, – прорычал он, и в следующую секунду я оказалась перевернута, как кукла, и сильная рука устремилась под живот, вздернув мою задницу в воздух. Мощные бедра без промедления вклинились между моих ног, раскрыв меня полностью. Я рванулась вперед, мгновенно взъярившись от такого обращения. Но рука на животе – словно металлический обруч, а вторая неожиданно вцепилась мне в волосы, сильно натягивая их, как поводок, и вынуждая откинуть голову до предела назад.

– Отпусти меня, урод… – успела злобно выплюнуть, и тут его член ворвался в меня, и я заорала от неожиданного наглого вторжения.

Боль прокатилась по моему телу огненным потоком, проникая в каждый уголок, шокируя и меняя меня. Дернулась опять, но хищник уже запустил зубы и когти в податливую плоть своей добычи и отпускать не намерен. Он даже не думал дать мне привыкнуть и начал бешено вбиваться в меня, буквально натягивая мое тело на свой жесткий, как железный прут, член. Я орала, ругалась и угрожала убить его. Ответом мне было только тяжелое дыхание и яростные толчки. Не смогла понять, в какой момент во мне словно щелкнул тумблер, и моя ярость и боль стали оглушающим, разрывающим на части удовольствием. Никогда не ощущала ничего подобного. Я уже кричала и стенала не от злости и боли, а от того, что просто готова была рехнуться от каждого этого грубого толчка, что взрывался в моих глубинах запретным наслаждением. Мой любовник явно почувствовал изменения, и мои волосы оказались на свободе, а обе руки намертво впились в мои бедра. Его рывки стали еще мощнее и глубже. А во мне подняло голову что-то примитивно необузданное, которому нужно еще больше и жестче. И я потребовала от него это не менее яростно, чем до этого грозилась прикончить. Его пах врезался в мои ягодицы с громкими шлепками, и мой зверь больше не молчал. Он стонал при каждом вторжении и рычал, подаваясь назад, как будто необходимость хоть немного покидать мое естество его бесила. И каждый раз он устремлялся в меня еще яростней предыдущего. Мое тело начало трясти и неудержимо скручивать, и я завопила от подступающей нестерпимой боли рвущегося наружу оргазма. Мои внутренние мышцы просто сходили с ума, утягивая его член как можно глубже при каждом проникновении и не желая отпускать обратно. Хватка на моих бедрах стала просто медвежьим капканом. Рык же моего партнера превратился в действительно устрашающий, нечеловеческий звук, и это сдернуло меня в чистейший экстаз. Физическое тело не захотело умещать все это, и я словно выстрелила из него, отправляясь в пространство без притяжения. Финал партнера я практически не ощущала, до моего сознания долетали только изощренные гортанные ругательства и долгий грубый стон. Глаза закрылись,

и все просто перестало иметь значение. Я хотела оказаться хоть ненадолго по-настоящему бесчувственной и сейчас получила это в полной мере. Ну что же, вечер удался.

Глава 3

Проснулась от жажды и дикого барабанного боя в голове. Открыв глаза, оглядела чужую спальню и медленно начала вспоминать, что вчера вытворила. Наркота – это зло! Ага, теперь проверено лично. Я лежала на животе и ощущала тяжесть мужской руки, обхватившей мою талию, и нечто большое, мерно дышащее сбоку. Преодолевая дурноту и боль глубоко внутри тела, вывинтилась из-под чужой конечности. Пора сваливать, пока единственный свидетель и непосредственный участник моей очередной глупости еще в мире своих загадочных грез. Я, конечно, стерва, лишенная чувства стыда и ответственности за свое поведение, как любит орать мой папочка, но вести задушевные беседы поутру с тем, с кем переспала под действием наркоты, алкоголя и злости, мне реально стремно. Почему этот мужик сам не выставил меня вон, когда мы закончили? Он ведь решил, что я проститутка. Не буду я вникать в смысл чужих поступков, когда голова трещит и своим собственным действиям я отчета дать не могу.

Поэтому собрала одежду, заглянула на пару минут в ванную и нашла свою сумочку. Задержалась на несколько секунд, чтобы получше рассмотреть моего случайного любовника. Во сне он был расслаблен и не казался таким властным и устрашающим хищным зверем. Жесткость линий лица сейчас смягчилась, притягивая мой взгляд. Просто реально красивый мужик, с охренительным телом и черными густыми волосами, к которым у меня в другой обстановке сами бы руки тянулись. К тому же, судя по машине и домику, с деньгами у него тоже проблем не имелось. С таким любая баба, на которую упадет его благосклонный взгляд, в постель не то что пойдет, на пузе поползет. Сейчас женщинам как-то не до жиру. На кой черт ему снимать по клубам шлюх и трахать их за деньги? Не хочет отношений? Или просто эгоистичный засранец по жизни? Нравится именно такой грубый и грязный трах на одну ночь? Хотя наши не гордые женщины с легкостью простили бы такому любой косяк и стали бы терпеть все закидоны на его условиях. А мне, собственно, нет до этого никакого дела. Его личные проблемы или их отсутствие не моя забота. Со своими бы разобраться.

Ушла из спальни, выбросив из головы и эту ночь, и ощущения, и самого мужчину. В другое время, может, и прошлась бы по дому поглазеть, но сейчас не те обстоятельства. Спасибо этому дому, свалю-ка я к другому, как говорится. С пару секунд постояла с туфлями в руках на широком крыльце и с недовольством понаблюдала за накрапывающим мелким дождичком. Через неделю осень. Все наполняющее мою жизнь дерьмо вернулось с прежней отчетливостью, и я обулась и пошагала прочь от берлоги моего случайного любовника, заставившего меня ненадолго забыть обо всем. Спасибо и на этом. К тому времени, как поймала такси, уже порядком вымокла и, входя домой, беспрерывно чихала.

В большой прихожей родительского дома сразу же столкнулась с отцом и Эллочкой-людоедкой. Взгляд отца стал гневным, а его молодая жена сложила ухоженные ручки на округлившемся животике и презрительно и желчно поджала губки. Лживая, алчная стерва! Они, кажется, куда-то собирались уходить. Черт, ну вот почему мне не могло так повезти, и я бы приехала чуть позже? Раздосадованная на судьбу-злодейку смачно чихнула, и Эллочка брезгливо поморщилась, будто вступила в коровью лепешку своими лабутенами.

– Яна! Ты опять всю ночь шаталась! – зашипел на меня отец.

– Ага, – ответила я, проходя мимо. – Должна же я нагуляться перед тем, как ты меня выгодно продашь.

– Яна, прекрати! – разозлился отец.

– Уже, – поднималась по лестнице, мечтая только о том, чтобы захлопнуть за собой двери своей комнаты.

– Ляг выспись и приведи себя в божеский вид. Ужин с Гориными завтра в шесть, и я хочу, чтобы ты произвела максимально приятное впечатление. Будут и другие гости. Так что постарайся не выглядеть так, как сейчас. Словно последняя подзаборная шлюха.

– А что тебе не нравится, папочка? – усмехнулась через плечо. – Ведь на одной из таких шлюх ты в данный момент женат!

– Паша! – завопила беременная идиотка. – Сколько я должна это терпеть?!

– Яна, извинись перед Эллой! – брызнул слюной отец.

– Да пошла эта беременная коровище! – ответила я, захлопывая двери, и с удовольствием услышала визги этой сучки.

Ванная и сон. Проснулась уже вечером. Полночи трепалась с теми, кто имеет статус моих друзей в сети. Обнаружила, что Катька, которую всегда считала практически подругой, выложила на своей станице фотки с нашей последней пьяной эскапады, где я, как всегда, отличилась, а еще те, на которых она нежно жмется к тому самому мудаку, которого еще неделю назад считала своим, типа, парнем. Больно ли мне? Да, в принципе, не очень. Я с самого начала знала, что с Андрюшей я ненадолго. Я, собственно, и появлялась с ним только для того, чтобы лишний раз позлить предка. Андрюшины многочисленные яркие тату, тоннели в ушах и пирсинг абсолютно во всех возможных местах обладали чудодейственным свойством бесить папочку и забавляли меня. Не долго. Потому как обилие краски и металла в организме не добавляли парню ни ума, ни способностей в постели. Так что Андрюша перестал заводить меня задолго до того, как я его окончательно послала. Таких, как он, повсюду вагон и маленькая тележка. Найду десяток других. Хотя я же вскоре, типа, буду замужней дамой. Фыркнула своим мыслям. Да уж, Вячик, мне тебя искренне жаль. Но если будешь хорошим, обещаю не глумиться нарочно. А там уж как пойдет.

Почти весь следующий день провела, валяясь в постели, и пила много воды.

Отец постучался за несколько часов до назначенного ужина и потребовал, чтобы я выглядела безупречно и прекратила курить в комнате. Через час еще раз. Хорошо, папочка, будет сделано.

Приняла душ, высушила волосы и собрала их в высокую прическу. Знаю, у меня длинная, красивая шея, и мне это идет. Товар будет в лучшем виде. Надела платье благородного темно-зеленого цвета, облегающее, как вторая кожа, не предполагающее ношение нижнего белья. Если не присматриваться, я затянута в ткань от шеи и почти до пяток. Но она такая тонкая, что не нужно обладать особо богатым воображением, чтобы увидеть каждый мой изгиб и впадинку в мельчайших подробностях. Все для глаз дорогих покупателей. Встала на здоровенные шпильки. Вячик одного со мной роста, и я точно буду выше него в этой обуви.

Ни грамма косметики, никаких духов. Вышла и не спеша направилась на голоса в гостиной. Горины уже здесь. Отец и людоедка – сама любезность. Шутят и щебечут. Вячик, как всегда, прилип ко мне взглядом очарованного теленка, а его отец едва заметно поморщился. Что, папе не слишком по душе влюбленность единственного и любимого дитяти в такую оторву, но чего же не стерпишь ради его счастья, а самое главное – стабильности в бизнесе. В наше время это весьма ценно, не так ли?

Присутствовала еще парочка гостей, но я их просто не замечала. Мужик из разряда «кошелек с ушками», а его то ли жена, то ли подруга – почти точная копия Эллочки, только без пуза.

Вячик, изображая уверенную улыбку, подошел ко мне и эффектно поцеловал руку. Пытался выглядеть этаким соблазнителем в дорогущем костюме. Но я-то видела, как подрагивали его пальцы, когда он коснулся моей кожи, и сбилось дыхание, когда он понял, что под платьем я голая. То ли еще будет, женишок. Он вручил мне бокал белого вина и что-то начал вдохновенно рассказывать, но я, хоть убейте, не улавливала смысла. Просто натянула вежливую улыбку и кивала. И плевать, если невпопад. Вячик пялился на мою грудь, так как под тон-

кой тканью были видны мои отвердевшие от прохладного воздуха соски. Парень часто сглатывал и, видимо, сам не слишком следил за своей мыслью. Интересно, он думает, что реакция моего тела имеет к нему хоть какое-то отношение? Очень вероятно. Принялась размышлять о том, на что будет похожа наша совместная жизнь. Ведь я реально не представляю, что могу позволить ему до себя дотронуться. А Вячик с его воспитанием и явным благоговением передо мной вряд ли решится настаивать на чем-то. Абсурд какой-то.

Отец был со мной так мил, что меня чуть не выворачивало от приторности. Мы не садились за стол, и я поняла, что мы ждем еще какого-то офигительно важного гостя.

Звонок в дверь, и Эллочка собственной персоной подорвалась и посеменила к дверям. Надо же, видать, гость и правда важный, если она оторвала свой зад от кресла. Я услышала низкий грубый голос и на самом деле вздрогнула, отворачиваясь от моего собеседника. В гостиную вошел Он. Немая сцена.

Глава 4

Последний раз я видела его спящим, оставляя его дом после, наверное, самого сумасшедшего из моих приключений, которое я надеялась навсегда оставить в прошлом. Даже секундное воспоминание об этом заставило меня вспотеть. Да, бывало, я исполняла такое, что ни в какие ворота, но почему-то раньше меня это так не смущало. Ну, одно дело – встречать упоминание о моих выкрутасах в нете и бульварной прессе, и совсем другое, когда одно из моих приключений заявляется собственной персоной в дом моего отца в качестве важного гостя. Сюрприз, сюрприз! Как раз к помолвке.

Сейчас в мужчине, что благосклонно принимал приветствия, не было ничего от того расслабленного после бурной ночи любовника, на которого я украдкой любовалась перед уходом. Пожалуй, понятие «расслабленность» вообще никак не могло с ним соотноситься. Гораздо больше подходили совсем другие слова. Власть, заставляющая все моментально вращаться вокруг него и в том темпе, в каком он желал. Какое-то долбаное сверхвысокое напряжение, гравитация чертовой черной дыры, которая притягивала к себе все, что попадало в поле ее видимости, не оставляя ни малейшего шанса ускользнуть. Получая и поглощая все, к чему заблагорассудиться протянуть жадные щупальца своей неодолимой темной энергии.

– Ну наконец-то! – прямо-таки зашелся в радости мой отец. – Господа и дамы, позвольте вам представить моего давнего хорошего знакомого Игоря Рамзина.

Все загалдели, стадно, организованно выражая свою искреннюю радость от появления моего незнакомца. Хотя теперь знакомца. А я стояла и припоминала, где я слышала это имя. На ум ничего не приходило. Нет, я, конечно, не могу сказать, что прям хорошо знаю всех отцовских друзей-знакомых, но некоторое представление имею. И точно помню, что фамилию Рамзина никогда раньше от отца не слыхала. Но, собственно, какая на фиг разница!

Мужчины устремились к Рамзину с рукопожатиями, и даже Вячик на время забыл о моем существовании. Эллочка и жена папиного гостя тоже готовы были из платьев повыпрыгивать, рассыпаясь в приветственных дифирамбах. А Рамзин стоял там, как чертов король мира, который привык к такому подобострастному поклонению, и кивал с высоты своей охренительной значимости. Я, фыркнув себе под нос, пошла к бару, пока меня никто не замечает, и плеснула себе в бокал щедрую порцию коньяка. Сделав большой глоток, я с чувством передернулась и обернулась понаблюдать дальше за этим цирком притворного радушия. И тут же натолкнулась на прямой взгляд Рамзина. Он больше не кивал и не улыбался, а смотрел прямо мне в глаза, словно мы были здесь вообще одни. И в этот момент в них я увидела тот самый звериный голод и твердое намерение получить желаемое. Потому что он так привык. Потому что по-другому просто и быть не может. Я подняла взгляд к потолку, нарочно разрывая прямой визуальный контакт и демонстративно зевнула, прикрываясь рукой. Потом вернулась к ставшему яростно-холодным взгляду мужчины и отсалютовала бокалом, тут же выпив все до дна.

– Очень рад видеть тебя в своем доме. Сто лет не видел тебя лично, только следил издалека за тем, как ты поднимаешься на небывалые высоты, – продолжил лить сироп отец и стал пояснять всем присутствующим: – Игорь больше двадцати лет жил за границей и строил свою бизнес-империю практически с нуля. Уехал ни с чем совсем мальчишкой. Зато сейчас он смело может называть себя одним из самых богатых людей.

Двадцати лет? Твою дивизию, я переспала с ровесником отца? О, молодец ты, Яна! Стремительно повышаешь градус тупости своих необдуманных авантюр. Но хочу сказать в свое оправдание, что на свой возраст Рамзин ни капельки не выглядел. Но все равно! Вот ведь хрень, Яна!

Все поддакивали и твердили, что они наслышаны и весьма восхищены. Как будто стоявший там высокомерный засранец хоть сколько-то нуждался в этом громогласном признании

своих охрененных талантов. Меня затошнило от всего происходящего, и дико взбесил этот упершийся в мою персону взгляд Рамзина, который и не думал скрывать, что глазеет прямо на меня, забивая на эти хвалебные песни. Я отвернулась налить себе еще и тут услышала, как низкий рокочущий голос моего одноразового любовника перекрыл весь этот птичий базар.

– Могу я познакомиться с прекрасной девушкой в зеленом платье? – И, как всегда, не вопрос и не просьба. Прямое указание, которому все подчиняются, как чертовы зомби.

Неожиданно все заткнулись, и на секунду повисла мертвая тишина, в которой отчетливо было слышно, как звякает графин в моих руках, ударяясь о край стакана. Я неспешно повернулась и оказалась прямо перед собственной глупой ошибкой и отцом, на руке которого висела эта сучка Элла.

– Это моя любимая дочь Яна, – улыбка отца была как патока, но у меня от нее стало горько во рту. – Умница и красавица. Моя гордость и отрада.

Надо же? А я-то, наивная, и не догадывалась! Думала, я божье наказание и ходячая катастрофа. Пора повысить самооценку.

Элла старательно пришпиливала меня к месту предупреждающим ненавидящим взглядом. Обломайся, стерва, я тебе не хрупкая бабочка! Я проигнорировала ее и, подняв голову, посмотрела в глаза моему хищнику. Темно-темно карие, почти черные. Теперь я знала цвет его глаз. Как, впрочем, и имя. Но мне не было до этого никакого дела. Хотя не могу соврать, что не ощутила болезненный спазм глубоко внутри моего естества. Именно там, куда врывался его здоровенный член той ночью, как будто желал проткнуть меня насквозь. Жестко, властно, требуя для себя каждую частичку меня. От этого воспоминания мне захотелось сильно сжать готовые задрожать бедра, между которыми разом стало влажно. И мои соски, превратившись в чертовы алмазы, натянули тончайшую ткань платья, выдавая непроизвольную реакцию моего тела. И это не ускользнуло от внимания Рамзина. Его ноздри резко расширились, а и без того наглая улыбка превратилась в голодный оскал. Казалось, он сейчас просто облизнется в предвкушении, как огромный кот перед желанной трапезой. И это взбесило меня.

– Приятно познакомиться, господин Рамзин! – Я подняла руку с бокалом, проигнорировав раздраженный взгляд отца. – Выпьем за знакомство?

Мужчина жадно втянул воздух, как если бы смог учуять, что я стала мокрой, и подчеркнуто вежливо наклонил голову. Хотя смотрел все так же неотрывно, будто гипнотизировал.

– Позже с удовольствием, Яна, – мое имя он слегка растянул, словно со смаком облизал его. – А сейчас я надеюсь поесть. Жутко проголодался.

Интересно, неужели никто, кроме меня, не слышал этого откровенного двойного подтекста его слов и вызывающей чувственной тягучести в голосе? Темные глаза прошлись по мне так, точно инспектировали свою долбаную территорию, имея на это все права, после чего мужчина протянул мне руку.

– Проводите меня к столу! – О да, и, как обычно, это не, мать ее, просьба, а прямое указание.

– Как пожелаете! – Я залпом выпила содержимое своего стакана и вложила свою руку в его широкую ладонь.

От этого контакта мне неожиданно стало жарко и захотелось развернуться, послать всех куда подальше и свалить. Или толкнуть этого засранца к стене и заставить стонать и задыхаться, чтобы стереть это самодовольное выражение с его физиономии. Но я приклеила к лицу улыбку и пошла рядом с Рамзиным, ощущая каждым сантиметром кожи его чрезмерную близость.

У стола заминка. Со злорадством наблюдала замешательство Эллы, отца и Вячика, когда Рамзин отодвинул для меня стул, а потом, не спрашивая ничьего позволения, нахально плюхнулся рядом. Но, сориентировавшись, Вячика усадили напротив меня.

За столом тут же завязалась нарочито непринужденная беседа. Каждый считал своим долгом поинтересоваться подробностями жизни Рамзина. Я же забила на эту трескотню и, не

взглянув на него ни разу, просто ела. Алкоголь в моем желудке, как всегда, придал мне нужную дозу похеризма, и я даже в какой-то момент умудрилась отключиться от присутствия рядом мужчины, что трахал меня так, что в моих мозгах случилось настоящее короткое замыкание. Ну, или не слишком короткое. Но, конечно, такой, как этот хренов хозяин жизни, не мог позволить себя игнорировать. Я уронила вилку, когда большая горячая ладонь накрыла мое колено и сжала властно, на грани боли. Повернулась к мужчине и получила однозначное подтверждение, что не замечать себя он не позволит. Смотрел прямо, ни от кого не скрывая огонек бесстыдного вожделения. А его рука дерзко скользила по моему бедру, целеустремленно двигаясь к тому месту, где и так уже потоп по его вине. Угрожающе сощурила глаза и стиснула его руку. Он думал смутить меня, лапая под столом? Ожидал, что я зардеюсь, как девица-краса, и буду сидеть и терпеть, боясь, что кто-то заметит? Да как бы не так!

Вцепилась ногтями в его ладонь до крови и увидела, как задергался его глаз. Наклонилась к нему, как для милой застольной беседы, и прошептала:

– Убери от меня свою гребаную лапу, или я воткну в нее вилку, – и сладко улыбнулась ему, будто ждала ответа.

– Нет, – ответил этот сученыш и сжал мою плоть еще раз сильно, словно имел на это право.

Он думал, я шучу? Не отрывая взгляда и продолжая улыбаться, взяла вилку. Надеюсь, в моих глазах достаточно четко отражалось, что я достаточно ненормальная, чтобы выполнить обещание. Карие омуты напротив наполнились откровенной угрозой, сулящей мне неминуемое наказание, но я ведь чокнутая, когда на меня пытаются так давить. Не знаю, чем бы это закончилось, но в этот момент прямо напротив кто-то звонко постучал по бокалу, привлекая всеобщее внимание. Ах да, мой будущий супруг, Вячик Горин.

Парень поднялся и прочистил горло, и я посмотрела на него, потом на отца, и с его стороны ко мне прилетела такая же визуальная угроза, но, само собой, по силе воздействия ему до Рамзина еще расти и расти. Хотя то, что я терплю от отца, от постороннего мужика терпеть не собираюсь.

– Яночка, – начал Вячик, и я увидела, как покраснели кончики его ушей и скулы. На время забила на наглую конечность на моем бедре. – Мы знаем друг друга много лет, и мои чувства к тебе ни для кого не секрет. Я был влюблен в тебя, сколько себя помню. Это проверено временем, и ничто не способно изменить моего к тебе отношения.

Хватка на моей ноге усилилась, словно стремясь предостеречь от опрометчивых действий. Пошел ты!

– Мы с тобой уже давно взрослые люди, и я думаю, что пришло время сделать ответственный шаг и перейти от дружбы и влюбленности к чему-то более глубокому и близкому, – продолжил Вячик, все больше воодушевляясь.

Я стиснула зубы, потому что ладонь сжала так, что я была готова заорать. Левая сторона лица буквально горела огнем от взбешенного взгляда Рамзина, будто я сидела боком к огромному костру. Я не смотрела на него, но ощущала его ярость так же отчетливо, как если бы он жег мою кожу железом.

– Яночка, любимая, окажешь ли ты мне честь стать моей женой? – выдохнул Вячик и протянул мне коробочку с кольцом.

Рука Рамзина жестко и без предупреждения сместилась мне между ног и властным движение сдавила промежность. Я, не сдержавшись, ахнула и резко отстранилась. Вскочила, разрывая это хамское заявление прав, и с усилием улыбнулась Вячику. На мгновение повернулась к Рамзину. Предупреждение в его глазах уже давно превратилось в ревущий диким пламенем приказ. «Только посмей!» – кричала вся его поза, каждый напряженный мускул на теле и лице. Да не пошли бы все мною помыкать! Дернула головой, отворачиваясь.

– Я согласна! – почти проорала Вячику и протянула руку.

В этот момент коробочка с кольцом выпала из руки Вячика. Он начал задыхаться, краснеть, будто у него сердечный приступ, и неистово шарить по столу. Нашел кольцо, но оно снова непостижимым образом вывалилось из его трясущихся пальцев.

Устав от этой его суеты, схватила дорогое украшение. Надела на палец сама и демонстративно залюбовалась игрой большого камня под аплодисменты и звон бокалов. Злорадно повернулась к Рамзину и вздрогнула от злобы и обещания возмездия в его глазах. Да кто он такой вообще, чтобы сверкать тут на меня прицелом своих черных зрачков? Прям боюсь, не могу!

Поздравления посыпались на нас с Вячиком, и мы скромно по очереди благодарили. Никого не смущало то, что мы не поцеловались и даже не прикоснулись друг к другу в такой волнующий момент. Ага, мы же такие все из себя скромники! Ужин шел своим чередом, и через некоторое время я перестала улавливать волны ярости от Рамзина и даже решилась посмотреть на него. И в этот раз увидела нечто новое. Мужчина переводил взгляд с меня на Вячика и на моего отца. И могу поклясться, что сейчас он над чем-то напряженно думал.

Позже все опять перешли в гостиную. Мне уже дико захотелось курить, и поэтому я плюнула на приличия, ускользнула в туалет и открыла окошко. Знаю, что запах все равно будет ощутим, но как будто меня это и правда волновало. Насладившись такой нужной сейчас дозой никотина, я отодвинула защелку и открыла дверь. И тут же почувствовала мощный толчок в грудь. Не упала на задницу только потому, что Рамзин схватил меня за руку. Захлопнул дверь и стремительно развернулся со мной. Мгновение, и я больно вжата в деревянную поверхность сильным мужским телом. Его запах обрушился на меня оглушающим водопадом и давил не меньше, чем все эти твердые мускулы и каменный член, вжавшийся между ягодиц. Мне было больно, я почти не могла вздохнуть.

– Ты… охренел… – едва смогла процедить.

– Трахаешься с ним? – угрожающе прошипел мне на ухо Рамзин.

– Пошел… – начала я, и он дернул меня за волосы, вынудив откинуть голову до хруста в позвонках. Его рот атаковал мой, забрав весь воздух. Не поцелуи – настоящие укусы. Метящие, ставящие клеймо. Зверь желал моей крови и был намерен ее получить. Рамзин рычал, целуя так, словно хотел пожрать. Вынуждал вдыхать его одного или умереть от удушья. Вторая его рука протиснулась между моим телом и дверью. Он вклинил мощное бедро между моих ног, заставив раздвинуть их. И тут же грубые пальцы нашли мой клитор сквозь тонкую ткань платья и начали тереть его сильно и быстро.

– Ты мокрая из-за меня или из-за этого мелкого недотепы? – прорычал мне в ухо Рамзин.

Рот мужчины впивался раз за разом в кожу моей шеи, поджигая ее. Жар просачивался сквозь кожу словно яд, отнимая у меня остатки контроля над телом и разумом. Я тряслась, задыхалась, но все еще пыталась извиваться, чтобы избегнуть унизительной потери контроля. Но из-под этого хищника не вырваться, и мои ноги начинали дрожать, отказываясь меня держать, а глаза закатились. Его пальцы задвигались быстрее, и мой рот распахнулся, когда каждая мышца натянулась, сдаваясь разрушающему наслаждению. Не хочу этого! Взбеленилась от злости, но с собственным телом ничего поделать не могла. Оргазм нарастал во мне, распирая изнутри и причиняя невыносимую жажду получить освобождение от этого жуткого давления. И вдруг Рамзин отступил, бросая меня на самом краю. Я уперлась в дверь лбом и руками, чтобы не рухнуть к его ногам. Спустя минуту медленно развернулась и с ненавистью посмотрела на мужчину.

– Ты что творишь, урод? – просипела я.

– Наказываю, – с ухмылкой ответил он.

Рамзин мог показаться спокойным, но я видела, как он сдерживал тяжелое дыхание, и зверский голод в его глазах было не спрятать, не замаскировать ничем. Невольно опустила

взгляд к его ширинке, где безошибочно просматривались очертания его эрекции сквозь ткань. Рамзин демонстративно поправил свой член и усмехнулся.

– Помнишь его? Помнишь, как я им долбил тебя, Яна?

– Подонок, – выплюнула с ненавистью.

– Даже не представляешь какой, – ухмылка стала похожа на оскал. – Все так радовались вашей милой помолвке. А как ты думаешь, как быстро твой женишок тебя бросит, если я пойду и расскажу всем, что сутки назад засаживал тебе, загнув тебя раком, и ты орала от удовольствия, как самая конченая сучка?

Он что, типа, напугать меня пытается? Я, не сдержавший, нахально фыркнула, а потом и вовсе расхохоталась ему в лицо так, что меня пополам согнуло.

– Давай, пойди! – сквозь смех выдохнула я. – Сделай мне большое, мать его, одолжение!

Рамзин прищурил глаза и схватил меня за шею, снова прижав к двери. Уставился, резал глазами-скальпелями, желая препарировать, разобрать на составляющие. Требуя раскрыться перед ним, вывернуться наизнанку. Но со мной такое не работает, и я, как всегда, спряталась за завесой собственного пофигизма, за которую никому не удается пробиться, как бы ни старались. Но этот зверь не привык отступать, не получив желаемого. Рамзин приблизил свое лицо к моему, будто хотел размазать по двери своей энергетикой. Он давил настырно и безжалостно, стремясь смять мою оборону – не важно, какой ценой. Но я терпеть и подчиняться не собиралась.

– Грабли от меня убери! – злобно прорычала я, брыкаясь и пытаясь достать его. – Противно!

– Да? – он с яростью посмотрел на меня. – А в прошлый раз ты вроде как сама предложила отодрать тебя.

– Дебил! Я была пьяная и обдолбанная. Для меня хоть ты, хоть любой другой было по хрен! Все вы одинаковы!

Знаю, что для такого, как он, нет большего оскорбления, чем быть поставленным в один ряд с другими. Такие, как Рамзин, считают, что никто им не ровня. И надо быть честной, что это так и есть. Не нужно быть слишком проницательной или обладать обостренной интуицией, чтобы ощущать, насколько этот хищник больше, чем все окружающие. Нет, не в физическом плане, хотя и здесь нужно признать его превосходство над большинством представителей измельчавшего мужского племени. Но дело в другом. Когда появляется такой, как он, то заполняет все вокруг какими-то хреновыми гамма-лучами, начисто снося все вокруг, освобождая пространство только для себя одного. Его настолько много и это так интенсивно, что у других просто нет шансов. Рядом с ним могут все существовать только бледными тенями в сиянии его мощи и только потому, что он позволяет. Ровно столько, сколько он готов терпеть. Рамзин – на самом деле хренова черная дыра. Его нельзя познать, нельзя подчинить, нельзя греться в его темных лучах. Можно только провалиться и кануть в вечной тьме. Его нельзя сравнить ни с кем, кого я знаю. Но черта с два я позволю ему услышать это от меня.

На какое-то мгновение мне кажется, что он сломает мне сейчас шею. Но рука на моем горле сжимается, а потом неожиданно отпускает. Мужчина медленно проводит по моей коже пальцами, прикасаясь так невыносимо ласково, что я вздрагиваю, застигнутая этой нежностью врасплох.

– По хрен, говоришь? Это мы еще посмотрим, – рычание зверя стало сексуальным мурлыканьем. Но в этом мягком звуке было столько скрытой угрозы, что по моей спине будто скользили обжигающе холодные пальцы.

– Еще увидимся, Яна-а-а. – Мое имя опять как растекающаяся сладость на его языке.

Рамзин оттолкнул меня от двери и вышел наружу.

Глава 5

Отдышавшись, подошла к зеркалу. Зрелище то еще. Волосы растрепаны, ворот платья растянут, лицо пылает, на одной щеке четкая полоска, там, где рельеф двери надавил мою кожу. Губы распухли и потрескались, а правая сторона шеи – один сплошной засос. Зверь меня пометил, нагло и наплевав на все и всех.

– Сука конченая! – сказала я, рассматривая красные пятна на коже.

Само собой, что при всем моем показном похеризме я не могу вернуться к остальной компании в таком экзотичном виде. Понятно, что отец будет зол, что я ускользнула в такой момент. Но если я заявлюсь, сверкая этим новым «украшением», которым наградил меня Рамзин, он меня вообще прикончит. Фыркнула и подмигнула своему отражению. Типа того, что я прям вся в печали, что сегодня не придется видеть никого из той честной компании.

Выскользнула из туалета и тут же натолкнулась на людоедку. Что, на хрен, за вечер у меня сегодня такой? Демонстративно проигнорировала ее и пошла в сторону своей комнаты. Но гадюка догнала меня и вцепилась в локоть.

– Что, уже успела и Рамзина ублажить, маленькая шлюшка? – прошипела она, полностью оправдывая данную мною ей классификацию видов.

– Ты меня с собой-то не путай, стерва. Я предпочитаю, чтобы меня ублажали, а не наоборот, – огрызнулась я и выдернула руку из ее мерзкого захвата.

– Такой, как он, никого ублажать не станет, дура. Рамзин имеет все и всех и привык, что ему подчиняются. Такая долбанутая на всю голову своевольная сучка ему на хрен не нужна. Так, оттрахает тебя разок, и до свидания, – ядовито процедила она.

– Разок? – зевая, обернулась я. – А тебя клинит, что на тебя у него вообще ни разу не встанет, даже если бы ты и пузатой не была?

– Да что ты можешь в мужчинах понимать?

– Тут ты права. С тобой мне не сравниться. С таким количеством членов, которые ты перебрала, пока до моего папашки добиралась, было бы странно, если бы ты опыта не набралась! Что, теперь жалеешь, что тебе вовремя такой, как Рамзин, не попался? А то на него охоту открыла бы.

– Дура! Невозможно охотиться на охотника! И такого ловить без толку. Все равно не удержать. И мой тебе совет: если не хочешь потом до конца жизни сравнивать с ним каждого своего мужика не в их пользу, не спи с ним. Второй раз тебе такой же вряд ли попадется, и будешь мучиться.

– Спасибо за заботу! – Только уже как-то поздновато.

Я ушла, не желая дальше лаяться с ней. Надоело это мне уже до тошноты.

– Думаешь, ты намного лучше меня? – понеслось шипение в спину.

Нет. Похоже, теперь, когда меня выгодно продали в добрые, а главное, нужные руки, я не особо от нее отличаюсь. Только она продавала себя по собственному желанию, стремясь пристроиться получше. А я позволяю сделать это за меня. Почему? Потому что по большому счету мне на все плевать. Даже на себя. У меня давно уже нет иллюзий и розовых очков. Так какая, в сущности, разница? В жизни нет ничего, кроме удовольствий, которые можно получить здесь и сейчас за деньги. А никакой любви до гроба в горе и в радости, преданности, непродающейся дружбы и душевной близости не существует. НИ-ЧЕ-ГО! Нежная девочка Яна, которая верила во все эти глупости, померла от горя много лет назад, увидев всю неприглядность человеческих отношений, ее омерзительно честную изнаночную сторону. Пока у тебя есть деньги и ты здоров, тебя любят и ценят. Когда ты нищий или больной, ты не нужен никому. Тебя вышвыривают, заменяют кем-то другим с оглушающей простотой и легкостью. И продолжают дальше жить, не мучаясь никакими моральными дилеммами. Не тоскуя по ночам, не вспоминая и не

рыдая в подушку, пока никто не видит. Нет никаких неумирающих чувств. Сегодня ты есть, завтра тебя нет, а человек, которому ты сдуру позволяешь стать центром твоего мироздания, просто идет дальше. А эти все красивые иллюзии – для идиотов, не желающих видеть жизнь так, как она есть. Я не из их числа. Нет никакой магии чувств, а только дешевые фокусы, возня за ширмой. Так что я не собираюсь делать резких движений и отказываться от всего, что имею, просто ради какой-то никому не нужной гордости и никчемных жизненных принципов. Кому от этого будет легче? Чью жизнь это спасет? Красивые и эффектные жесты и поступки для книжек и кино. В реальной жизни им нет места. Хочет отец, чтобы я вышла за Вячика? Да ради бога! Я из этого теленка веревки совью, а через год, когда папаша вернет мне деньги и свободу, вообще свалю от всех и буду жить в свое удовольствие.

Как только я стала раздеваться, раздался требовательный стук в дверь.

– Яна, какого черта?! Вернись сейчас же попрощаться с Вячеславом. Это ужасно невежливо.

Не-а, папочка, ужасно невежливо будет прощаться с моим новоиспеченным женишком, сверкая свежими засосами. Вот это правда не комильфо.

– Пап, меня тошнит. Извинись за меня перед Вячиком. Я ему завтра позвоню.

Отец помолчал с минуту, видимо понимая, что вытащить меня добровольно не удастся, а скандалить, когда внизу гости, не вариант.

– Мы еще поговорим об этом, – недовольно проговорил он сквозь дверь и ушел.

А как же, поговорим. Ты, само собой, не забудешь высказать мне все, что об этом думаешь.

Я переоделась, выбрав сегодня узкие джинсы и короткий топ, открывающий живот, но надежно скрывающий мое меченое горло. Выскользнула в двери. Повинность я отбыла и заслужила немного оттянуться. Выпрыгнула в окно на первом этаже и отправилась в клуб.

Музыка, выпивка и толпа чужих людей, где никому нет ни до кого никакого дела. Да, это то, что мне сейчас нужно.

Не искала целенаправленно Антошу, но куда же от таких, как он, в подобных местах денешься. Само собой, он нашелся в толпе подобных ему золотых мальчиков и девочек, вальяжно развалившихся на мягких диванах в VIP-зоне. Сидели со скучающими мордами, изображая офигительно крутых челов. Невольно вспомнила манеру держаться Рамзина. Вот уж кому не нужно напрягаться, чтобы выглядеть хреновым императором среди толпы черни.

Антоша заметил меня, и вся его показная скука слетела, и он заерзал на месте и помахал тонкой лапкой, пытаясь привлечь мое внимание. Я посмотрела на него, но нарочно не сдвинулась с места. Он, не выдержав, подорвался и подошел ко мне.

– Солнышко, ты куда в тот раз пропала? – перекрикивая музыку, спросил он.

Уехала трахаться до потери сознания в прямом смысле слова. Я безразлично пожала плечами. Как будто я намерена перед ним отчитываться.

– Пойдем к нам?

Не особо желала общаться с ним и его компанией и развернулась к бару. Спустя несколько коктейлей и море болтовни Антоши, которому мне захотелось с наслаждением двинуть стаканом по лицу, почувствовала устойчивое желание просто забить на все и танцевать. Что, собственно, и сделала, уйдя, не оборачиваясь, на танцпол. Мое тело – музыка, мое сердце – просто биение басов, меня ничего не волнует, и мной ничто не управляет, кроме ритма. Малинин прижался сзади ко мне, и мы поплыли по ритму вместе. В танце он был не так уж и плох. Впереди появился еще один из полузнакомых парней из их компании, и вот мы уже двигались втроем. Руки парней осторожно скользили по моим бокам. Мне неожиданно понравился этот тесный контакт, в котором именно я вела, и у меня была вся власть. Откинулась полностью на Антошу и прижалась задницей к его паху. У него уже стоял, и по телу бывшего одноклассника пробегала дрожь. Он застонал и обхватил меня за талию, зарываясь лицом в мои волосы.

– Детка, ты такая горячая, – пробормотал он мне на ухо, тяжело дыша.

Запустила руки в волосы парня передо мной и притянула его ближе. Потерлась об обоих и засекла, как голубые глаза напротив заволокло дымкой вожделения и рот парня открылся.

– Господи, я сейчас прямо здесь кончу, – простонал Антон и поцеловал меня за ухом.

В этот момент его кто-то дернул сзади и меня крутануло, так как он не сразу сообразил разжать свои руки. Мой локоть больно сжали, и я в гневе обернулась. Черт, то ли я достаточно пьяна, то ли в душе чего-то такого ожидала, но даже не удивилась, когда увидела перед собой Рамзина. Его лицо – просто картина маслом: как выглядит хищный зверь, которого порядком раздраконили.

За его спиной стояли два угрюмых шкафа, способных, наверное, поезд на ходу взглядом остановить.

– Ты сегодня с группой поддержки? – ухмыльнулась я и рванула свою руку.

– Это отныне твоя группа поддержки, Яночка, – ответил Рамзин мне с плотоядной улыбкой.

– Руку отпусти, урод! Я танцую! – дернулась я опять.

– На сегодня уже натанцевалась, дорогая. – И он развернулся и потащил меня к выходу.

Один из амбалов шел впереди, прокладывая нам дорогу в толпе, как чертов ледокол, второй же плыл в фарватере, унимая одним только взглядом тех, кто пырхался предъявить претензии к тому, что был так бесцеремонно отброшен с дороги.

– Да какого хрена! – возмутилась я, как только мы оказались снаружи. – Отпусти меня!

Рамзин молчал и просто шагал к машине. Я попыталась пнуть его по ноге, но алкоголь и координация моих движений не смогли между собой договориться, поэтому я просто потеряла равновесие и практически упала. Рамзин злобно заворчал и подхватил меня. Оставшееся расстояние до машины нес, как мешок, на плече.

– Сука ты! Меня сейчас вырвет! – с угрозой произнесла я. – Хамбец будет твоему костюмчику.

– Поверь, я могу себе позволить еще один.

Он запихнул меня на заднее сидение представительского седана, а оба шкафообразных мужика сели на водительское и переднее пассажирское место.

– Ой, мальчики, я на троих как-то не рассчитывала, – поглумилась я, откидываясь на прохладную кожу сидений. – Че-то не уверена, что потяну.

– Заткнись! – прорычал Рамзин. – Ты что, опять под наркотой?

Он ухватил меня за подбородок и включил свет в салоне. Посмотрел в мои глаза, яростно щурясь.

– Пошел ты! – вырвалась я. – Даже если так и было бы, тебе, на хрен, какое дело? Ты кто такой вообще, чтобы лезть ко мне?

– Еще раз обдолбаешься, я тебя так освежу, что на всю жизнь запомнишь. Поняла?

– Я делаю что хочу! Хочу – кислоту жру, хочу – групповуху устраиваю, и никого это не касается. Понял? – ответила в тон ему.

Рамзин неожиданно стиснул мои ноги, рывком разворачивая, и моя задница соскользнула по сиденью. Я оказалась лежащей на спине, а он придавил меня собой.

– Хочешь быть как следует оттраханной? Так попроси меня. Если будешь достаточно вежливой, я один сделаю это лучше, чем все эти малахольные мальчонки, об которых ты терлась, как шлюха последняя, – и он толкнулся бедрами, давая почувствовать, что уже возбужден до предела.

– Слезь с меня, – я сделала попытку ударить его лбом в лицо и заколотила по спине, стараясь вывернуться.

– Господин Рамзин? – послышался вопросительный голос одного из шкафов.

Это они, типа, за него переживают? Хотят оказать посильную помощь, чтобы усмирить такую страшную меня? Я, мля, собой прямо горжусь!

– Все нормально! Едем домой, – рыкнул Рамзин.

Он с легкостью отстранился, при этом еще больше вжимаясь мне в живот жестким членом, и зафиксировал мои руки, скрутив их одной своей лапищей и придавив к дверце над нашими головами, а потом навалился снова, вцепившись в волосы и обездвижив еще и голову.

– Упырь хренов! – пыхтя, извивалась я. – Что, насилие заводит?

– С тобой – да. Хватит дергаться, тебе силы еще сегодня пригодятся, Яночка, – нагло ухмыльнулся он и впился в мои губы быстрым и сильным поцелуем, молниеносно отпрянув, когда я постаралась его укусить.

– Маленькая злобная сучка, – он крепче сдавил мои волосы, заставляя вскрикнуть и открыть горло, и стал целовать и покусывать подбородок и шею, толкаясь бедрами и тихо рыча. Долбаная зверюга, что играет с едой, прежде чем по-настоящему вонзить свои огромные зубы.

– Если надеешься, что я снова лягу под тебя, то обломайся, этого не будет, – прохрипела я, ощущая, как внутри все неизбежно начало плавиться и сокращаться от его запаха и ленивых, но дико уверенных движений внизу и агрессивных, но нежных ласк рта. Как я ни сжимала зубы, но скрывать то, как менялось мое дыхание, становилось все труднее. А при каждом его толчке в мой живот глубоко внутри прокатывался болезненный спазм мышц, желающих, чтобы он был сейчас там, в ставшей вдруг голодной глубине.

– Ты и так уже лежишь подо мной, – Рамзин прикусил кожу за ухом, и я не смогла остановить дрожи, пробежавшей по телу. – И сколько бы ты ни брыкалась, я знаю, что ты готова раздвинуть ноги, как и когда я прикажу.

– Ага, не сегодня, милый, – ухмыльнулась, я, борясь не столько с ним, сколько с собственным телом. – У меня на этой неделе голова болит. И, кстати, никогда!

– Сильно сказано, Яночка. Но я всегда получаю, что хочу, – и он облизнул укушенное место смачно, с оттягом, наглядно демонстрируя реакцию моего собственного вероломного тела на него. Мне отчаянно захотелось вцепиться в его горло… и облизывать его, возвращая каждое движение его рта, пока его не затрясет так же, как меня.

– А не пошел бы ты, самоуверенный засранец, – вместо этого проговорила я, закрывая глаза, не желая видеть свой личный зверский соблазн так близко. Никогда еще меня так не раздирало от взрывной смеси удушливой ярости и жуткого, просто крышесносного вожделения.

– Пойду. Обязательно. И не один раз. Потерпи только немного до дома. Не особо люблю публичные шоу.

– Насиловать будешь? За это сажают, ты в курсе? А с такой классной задницей, как у тебя, будешь в тюрьме очень популярен, Игореша. Прям звезда будешь. Светло-синяя, – глумилась я, не в силах больше сделать ничего.

– Я бы на твоем месте больше интересовался моим членом. Потому как видеться с ним вы будете часто и подолгу. А о собственной заднице я уж как-нибудь позабочусь.

– Сам? Или кого попросишь? Ты у нас и нашим, и вашим? Разносторонний, мля? – фыркнула я.

Рамзин опустил голову и вдруг резко прикусил мой сосок с пирсингом сквозь ткань. Мое горло сжалось от дикой смеси боли и ослепляющего удовольствия. Голова откинулась, и вскрик вырвался, как я его ни сдерживала.

– Я односторонний, дорогая. Но если будешь много болтать, тебя буду иметь со всех сторон. Хотя… я буду это делать в любом случае.

Я, конечно, не могла смолчать и хотела сказать что-то едкое, но Рамзин практически вломился в мой рот, как варвары врываются в беспомощную уже бывшую крепость, затыкая и целуя, словно карая за мой длинный язык. Больше не отступая и не останавливаясь. Твердо уверенный, что больше не посмею укусить или сделать любую другую подлость. И я действи-

тельно не могла. Потому что он реально распинал меня каждым властным рывком языка в глубине моего рта. Его губы твердые, властные, истинно мужские. Он не целовал – засасывал, сжирал меня, топя в себе, подчиняя, с треском ломая выставляемую защиту. Не грубой силой, а упорством, используя против меня мое же собственное тело.

Рамзин на минуту отстранился, давая мне отдышаться, и просто смотрел в мои наверняка ошалевшие от его напора глаза. Давая увидеть в этот краткий момент, что я не одна тут сейчас реально тонула в этом море животной похоти. Поджигая этим окончательно, обращая в пепел то, что еще во мне хотело бороться. Если бы он сказал хоть что-то, я бы опомнилась, собралась с силами и бросилась бы в драку опять. Но он молчал, открывая мне в каждом быстром вдохе, как сам был близок к настоящему безумию. А потом снова атаковал мой рот жадно, требовательно, как будто брал то, что всегда принадлежало ему по праву. И я сдалась. Просто отпустила. Прямо здесь и сейчас, пусть все будет так, как будет.

Почти не осознавала, как мы оказались в той же спальне, что и в прошлый раз. С трудом припоминала только, как запинались на каждом шагу, потому что, вцепившись в меня, мой зверь не желал даже немного разжать свою хватку. Я уже была готова к тому, что Рамзин опять вздернет меня на четвереньки и жестко оттрахает, как в прошлый раз. Но он, похоже, решил, что это будет слишком просто для меня.

Глава 6

Рамзин бросил свою куртку на пол и толкнул меня на кровать спиной. Одной рукой он задрал мой топ, обнажив грудь, и его тяжелый взгляд зацепился за поблескивающий пирсинг в моем правом соске.

– В прошлый раз этого не было, – хрипло буркнул он.

Рамзин расстегнул и стянул с меня джинсы вместе с бельем, но его глаза по-прежнему были прикованы к моему проколотому соску. Что, хищника завораживают блестящие штучки в неожиданных местах? Он наклонился, опираясь на колени между моих ног, и обхватил обе мои груди своими загребущими лапищами, не накрывая сосков. Приподнял и сдвинул, сжимая почти на грани боли.

– Охренительно, – глухо пробормотал он, пожирая взглядом представшую картину.

Черт, меня с моим характером должно просто бесить, что он играет моим телом, как кот с пойманной мышью, примериваясь, с какой стороны лучше начать жрать. Делает что хочет, не спеша, уверенный, что одержал полную победу и может брать что вздумается. Бесить, конечно, должно. Но вместо этого я буквально задыхалась от вожделения просто от того, что наблюдала за его лицом и взглядом. Смотреть на Рамзина, когда он сам был на грани помешательства от похоти, – это ошеломляюще пугало и возбуждало одновременно. Он как стихия, долбаный смерч убийственной силы. Ты реально понимаешь, что он сметет тебя своей сумасшедшей мощью, развеет на частицы, обратит в кучу израненной плоти и разорванной в клочья души, если позволишь ему добраться до тебя. Но и нет такой силы, что поможет мне отвести взгляд и спастись бегством, пока вся эта дикая, никому не подвластная сила обращена на меня одну. Сукин сын, даже если он и разрушает таких, как я, походя, каждый день, почему-то прямо сейчас я себя чувствовала совершенно единственной в своем роде. Пусть и жертвой, но той, от кого не могут оторваться прямо сейчас вожделеющие глаза этого хищника.

Рамзин не раздевался, не целовал меня больше, только водил повсюду своими грубыми пальцами. По моему лбу, щекам, по губам, нажимая и вынуждая приоткрыть рот. По шее, потом минуя мой свернувшийся комом топ вниз. Его прикосновения не легкие и нежные. Он буквально вдавливал пальцы, словно желая вплавиться, проникнуть под кожу и даже глубже. Его глаза следовали за руками, и этот горящий темным голодом взгляд ощущался так же отчетливо, как и движения. Я дышала поверхностно, мои легкие были не в силах захватить больше воздуха под этим прессом его затягивающей меня на незнакомую и опасную территорию гравитации. Взгляд хищника путешествовал ниже на мои ребра и живот, провоцируя содрогаться мои мышцы и покрываться мурашками кожу. Рамзин сел на пятки и, резко вцепившись в мои колени, до предела раздвинул ноги. Это причинило короткую боль, я вскрикнула и попыталась оттолкнуть его руки и вырваться.

Кольцо, которое сегодня я надела на себя сама за столом, зацепилось за ткань его рубашки. Рамзин схватил меня за кисть так, что, казалось, могли треснуть мелкие косточки, и сдернул его с моего пальца, слегка оцарапав кожу.

– Ты совсем одурел? – зашипела я от неприятного жжения в пораненном месте. – Верни кольцо!

– На хрен! – презрительно скривил рот Рамзин и небрежно бросил это дорогущее украшение на прикроватную тумбочку, как ненужный мусор. – На тебе не будет ничего принадлежащего другому мужику, когда я стану тебя трахать.

Надо же, а хищник у меня, видимо, не переносит метки другого собственника.

– Руки подними! – прорычал он по-настоящему угрожающе и глухо, как будто его горло не слишком ему повиновалось. – Положи их над головой и не смей опускать.

Я хотела заорать на него в ответ, стиснуть его глотку. Внутри все клокотало, и глаза буквально затмевало от того, как боролись внутри злость и похоть. Но последняя все же оказалась сильнее. Нет, нет, злость никуда не делась. Она просто отступила и затаилась, готовясь для более подходящего случая и собираясь накопить больше сил. Я подчинилась, медленно подняла руки и опустила их на подушку над моей головой. Физически почувствовала торжество мужчины и позволила ему сейчас быть сильнее и получить, что он хочет. Это не навсегда, так что плевать. Рамзин снова впер свои глаза прямо в центр изнывающей влажности между моими распахнутыми по его прихоти ногами. Он смотрел на мою промежность так, что у меня начали дрожать бедра. Это было нечто непередаваемое. Дикая смесь из самого жгучего и грязного вожделения и настоящего собственнического восхищения, практически обожания, и еще что-то, чему я не знаю названий. Я лежала на спине, голая, истекающая соком, раскрытая для него так, что дальше некуда. А он сидел между моих ног полностью одетый и смотрел. Открыто демонстрировал мне, как может поиметь меня не только своими поцелуями или членом. Даже взглядом. Звуком дыхания. Без единого движения.

Я сжала зубы, не желая признавать этой власти над моим телом, и в этот момент Рамзин опустил голову и с нажимом облизал мой пульсирующий от потребности клитор. Тело прострелило с такой силой, что я заорала и почти зажала его голову бедрами. Но он снова надавил на мои колени, разведя их повелительно. Зверь хотел не только жрать, но и созерцать процесс поглощения.

А потом началось настоящее измывательство, цель которого наверняка была утвердиться в его власти надо мной. Только мне уже на это стало плевать. Все, что я понимала, это то, что этот садисткий ублюдок раз за разом подводил меня к краю и отступал, оставляя извиваться и орать от разочарования. Он то облизывал меня абсолютно бесстыдно, втягивал своим порочным ртом и рычал, заставляя вибрировать все мои внутренности, то отодвигался, едва я оказывалась в одном чертовом сантиметре от оргазма. То мучил своими жесткими пальцами, и я уже не могла сама на них не насаживаться, потому что просто умирала, так сильно нуждаясь в разрядке. То использовал и рот, и руки, вынуждая меня дергаться, извиваться, орать так, что мое горло горело огнем. Я плевалась ругательствами и желала ему самых ужасных мучений, которые только могли сейчас воспроизвести мои плавящиеся мозги. Царапала, жестоко рвала его кожу везде, где могла дотянуться, тянула за волосы, желая, исступленно желая большего. Сука! Жестокий извращенный упырь! Уже отчаявшись, попыталась оттолкнуть его голову и довести себя до финала самостоятельно, но он не позволил мне.

– Ты кончишь, только когда я буду внутри тебя! – прохрипел Рамзин, прижимая мои руки к матрасу.

– Ну так трахни меня уже, сволочь! – Я уже просто не могла быть неподвижной.

– Я решу когда! – измогался Рамзин.

Да чтоб ты сдох! Причем не сразу, а в долгих и изощренных мучениях!

– Я же убью тебя! Ты ведь знаешь, что убью! – почти бредила я, искренне желая это сделать.

– Я позволю тебе попытаться, – ухмыльнулся он у моей полыхающей огнем плоти, и от его резкого выдоха меня пронзила очередная волна болезненного наслаждения, и я изогнулась, бессильно суча пятками по простыням.

Меня трясло, колбасило, крючило, как под напряжением. Вся кожа настолько стала чувствительной, будто меня окунули в кипяток. От каждого легкого касания, еле заметного скольжения мне уже было больно до крика. Пот тек с меня ручьями, и глаза ничего отчетливо уже не видели. Мозг сгорел от перегрузки. Я если и встану с этой постели, то буду слабоумной идиоткой, чертовым овощем. Абсолютно не отдавала себе отчет в том, что творил с моим телом Рамзин, не различала его отдельных прикосновений, потому что любое из них сейчас – это режущий на части экстаз. Совершенно не знала, как вело себя мое тело, потому что оно сей-

час было просто ведомо в том танце, в котором ни одно движение не продиктовано разумом. Никогда не смогла бы сказать, орала ли я в голос или шептала еле слышно, потому что связь между осознанным и первобытно вожделеющим сейчас полностью была утеряна для меня. Рамзин наблюдал за каждой моей судорогой, не отводя своих алчных глаз. Впитывал все мои стоны, ругательства и мучения, как гребаный вампирюга пил бы кровь. Жадно, ненасытно, будто ему никогда не будет достаточно. Доведя меня до очередного бритвенно-острого обрыва, он отстранился, и я задрожала уже от потери этого мучительного контакта.

Шуршание одежды – и вот мой мучитель, наконец, на мне. Я услужливо нетерпеливо подняла бедра и ждала его жесткого вторжения. Но мой зверь со мной еще не закончил. Рамзин толкался внутрь медленно, входя только чуть-чуть, и протяжно стонал, отстраняясь. Я смотрела в его лицо и видела, как натянулась и побледнела кожа. Как катились капли пота по его лбу и вискам. Как потяжелели и опустились веки, из-под которых сверкали, обжигая, его глаза, все так же наблюдавшие за моей реакцией. Как сжимались его челюсти, словно он терпел дикую боль.

– Думала, ты садист Рамзин, а ты хренов мазохист, – выдохнула я и обхватила ногами его бедра, желая заставить двигаться глубже и быстрее.

Но это был бы не Рамзин, если бы поддался моему принуждению. Он застонал громче и почти обреченно, но продолжал двигаться невыносимо медленно. Мне казалось, я уже знаю своим чувствительным нутром каждую выпуклую вену на его здоровенном члене. Этот, мать его, рельеф навсегда, скорее всего, теперь впечатан в мой мозг, и даже будучи под кайфом или в полном умате не перепутаю его чертов прибор ни с одним другим. Переплела ноги сильнее и с максимальным усилием толкнулась навстречу. Но эта самолюбивая властная скотина дрожал, хрипел, его член дергался во мне, сводя с ума, но не желал подчиниться и продолжал измываться над нами обоими. Не в состоянии терпеть больше эти пытки, я впилась зубами в его плечо и полоснула ногтями вдоль спины. Укусила сильно, без всяких поблажек и практически смаковала сладковатый вкус его крови. Разве она не должна быть противной, соленой и с запахом и привкусом железа? С настоящим наслаждением облизала плоть, зажатую моими зубами, не ощущая даже намека на отвращение или какую-то неправильность. Рамзин издал какой-то сдавленный рев и, сорвавшись, начал врезаться в меня жестко и до предела. Достаточно было нескольких его движений, и я захлебнулась в своем экстазе. Это было настолько интенсивно, что даже кричать не могла, так сводило спазмами каждую клетку моего тела. Только впивалась еще жестче и зубами, и ногтями, подаваясь ему навстречу столь неистово, будто хотела, чтобы он врос в меня.

Рамзин проталкивался через мой оргазм к своему собственному, вцепившись в мои бедра так, будто, под его пальцами должна лопнуть моя кожа. Его последние толчки были просто сокрушительные, и они растянули мой финал, возвращая пульсирующие волны снова и снова, и, кажется, я уже просто забыла, как дышать, когда мой зверь, наконец захлебнувшись последним отчаянным хрипом, остановился. Его тело содрогнулось надо мной и обрушилось всей тяжестью, продолжая посылать в меня затухающие содрогания.

Черт, вот теперь я точно сдохну от удушья. Потому что все мои мышцы обратились волшебным образом в жидкость, а кости – в резину. Всегда прикалывалась над такими красочными сравнениями в книгах. И вот теперь вынуждена в последние, судя по всему, мгновения моей никчемной жизни признать, что тот, кто это писал, сто пудов, трахался с этим зверюгой. Ну или с кем-то вроде него. Рамзин же перекатился на постель и со стоном поднялся, направляясь в ванную. Везет же всяким упырям. Они способны после такого еще и ходить. У меня же нашлись силы только перевернуться на живот и уткнутся в подушку.

Но, оказалось, упыриная выносливость распространялась гораздо дальше, чем просто хождения после секса. Я уже почти вырубилась, когда матрас прогнулся, и к моей спине прижалось прохладное, мокрое тело. Я возмущенно замычала, и мне захотелось спихнуть мерзавца.

– Отвали, Рамзин! – пробормотала я.

Но эта сволочь, видимо, обожрался виагры, потому что он нагло вклинился, раздвинув мои ноги своими бедрами, и к моей заднице прижался его абсолютно твердокаменный член.

– Даже не думай, вампирюга! – сделала я очередную попытку сбросить его.

– Почему вампирюга? – хмыкнув, спросил он.

– Потому что настоящие люди так быстро не восстанавливаются! – Я хотела двинуть ему локтем, но говнюк прижал меня к постели, снова обездвиживая, и мне оставалось только сотрясать воздух. – Уйди, нечисть!

– Вампир, говоришь…

И эта сексуально озабоченная скотина в прямом смысле слова впился зубами в мой затылок и, пропихнув под меня руки, приподнял мой зад навстречу его наглому вторжению. И в этот раз уже не было никакой медлительности и поддразниваний. Рамзин сразу установил бешеный темп, и его пах врезался в меня с такими громкими шлепками, что их наверняка было слышно всем его соседям. Все мои нервные окончания, еще не успевшие отойти от первого раза, тоже сорвались с места в карьер, без всякого разгона. Вожделение действительно выстрелило в меня сразу же, взлетев до прежней высоты. Рамзин опять зарычал, и это передалось через мой сжатый его зубами затылок прямо в мозг. Это какое-то проклятое безумие, но мои, казалось бы, только что совершенно измотанные и выжатые досуха тело и разум откликнулись на зверские замашки Рамзина так, словно только этого и ожидали всю жизнь. Раньше во время секса, даже самого отличного, у меня всегда было ощущение некой отстраненности. Типа, тебе хорошо, ты наслаждаешься, но все равно отслеживаешь каждое движение и осознаешь каждую свою реакцию. Управляешь, наблюдаешь как бы со стороны. У меня никогда не случалось моментов абсолютной потери контроля. Но почему-то любое взаимодействие с Рамзиным лишало меня способности думать и хоть как-то анализировать и руководить тем, что между нами происходило. Он просто брал, что хотел и как хотел, а я, вопреки всей своей натуре и инстинктам, позволяла ему это и просто сходила с ума, наслаждаясь всем происходящим. В этот раз мой оргазм был коротким, но ослепительно острым, а потом без всякого предупреждения я отключилась.

Глава 7

Еще не размыкая век, я ощутила запах свежести, мыла и дорогого мужского экзотичного парфюма, и матрас дрогнул рядом со мной. Простонав, я перевернулась на спину и открыла глаза. Рамзин сидел рядом со мной на постели и застегивал манжеты на своей белоснежной рубашке. Волосы у него еще были влажными и взъерошенными, а рубашка и ширинка на брюках расстегнуты. Пожалуй, если бы он не раздражал меня до безумия до этого, то стоило его возненавидеть за то, как офигенно свежо и бодро он выглядел после этой ночи, тогда как я чувствовала себя буквально изжеванной. Ага, точнее и не скажешь. Измочалена и замордована здоровенным зверюгой, игравшимся с моим телом в свое удовольствие. Ну ладно, удовольствие было общим, но он сидит сейчас весь из себя такой роскошный и довольный, а я не могу даже определиться, какая мышца в организме болит у меня сильнее остальных. Так что да, Рамзин, я тебя совершенно искренне ненавижу сейчас.

Мужчина уставился на меня своим цепким властным взглядом, пройдясь по всему, что не было прикрыто простыней. Могу поспорить, там было на что посмотреть. К тем отметинам, что он оставил мне в отцовском доме, наверняка добавилась еще масса новых. Хищник не стеснялся помечать территорию, которую этой ночью считал своей, и самое отвратительное, пока это происходило, я с упоением подставлялась под жадный рот и жесткие пальцы.

– Надо пить к чертовой матери бросать, – пробормотала я и сползла с постели. – А то вечно просыпаюсь черт-те где и хрен знает с кем.

О, черт, боль в мышцах – это еще сказка по сравнению с тем, как саднило между ног. Такое чувство, что меня довольно успешно пытались разорвать пополам прошлой ночью. Но я, не позволяя себе стонать вслух, поковыляла в ванную.

– Прикольная походочка, Яночка, – довольно хмыкнув, съязвил Рамзин за моей спиной. – Вызывает такие воспоминания, что хочется завалить тебя обратно и продолжить.

Я, не оборачиваясь, показала ему средний палец.

– Отвали, извращенец!

Как только я воспользовалась унитазом, Рамзин вошел в ванную, оглядывая меня теперь с ног до головы.

– Я вообще-то хотела бы немного уединения, Рамзин. Личное пространство. Слышал о таком? – недовольно заметила я.

– Ну, во-первых, после того, что между нами было, как-то глупо стесняться принимать в моем присутствии душ, тебе не кажется, Ян? А во-вторых, у меня мало времени, а нам нужно серьезно поговорить.

Ну да, и опять «нужно поговорить» – это не предложение диалога, а прямой приказ.

– Если тебя интересует, буду ли я заяву на тебя писать, то расслабься. Не буду. Будем считать, что у нас был сеанс жесткого секса по взаимному согласию. А больше не вижу тем для обсуждения. Так что очень прошу – свали и дай мне спокойно принять душ.

– Нет.

– В смысле «нет»? Воду экономишь, и мне выметаться как есть и мыться дома?

– Прекрати, – раздраженно махнул рукой мужчина. – Ты прекрасно понимаешь, о чем я. Ты можешь пользоваться в этом доме чем угодно, потому что я хочу, чтобы ты осталась тут.

Я остановилась перед навороченной душевой кабиной и посмотрела на мужчину через плечо.

– Рамзин, учись выражаться как-то яснее. «Осталась тут» – что, по-твоему, должно значить? – Я открыла краны и настроила температуру воды.

– Я вроде абсолютно ясно сформулировал свою мысль, Яна. Я очень занятой человек и у меня практически нет времени на ухаживания и так называемые отношения. Но я люблю секс

и нуждаюсь в нем регулярно. Поэтому я и предлагаю, обрати внимание на это слово, именно пока предлагаю тебе стать моей постоянной спутницей и любовницей. Со своей стороны обещаю выполнить твой любой каприз в разумных пределах и заботиться обо всех твоих нуждах более чем щедро. В ответ я требую только готовности всегда и везде заниматься сексом, если этого захочу я. Тебе я тоже не собираюсь никогда отказывать. Нужно будет только сказать, и я постараюсь удовлетворять тебя в полной мере. Так же тебе следует понимать, что моя жизнь проходит в частых деловых разъездах по миру, и я хочу, чтобы ты повсюду следовала за мной. И последний, но один из самых важных пунктов состоит в том, что у тебя не будет других мужчин, пока ты со мной.

Я слушала, сохраняя внешнее спокойствие и продолжая мыться, чтобы не выдать своей нервозности. Ну фигасе заявочки с утра пораньше!

– Рамзин, я, по-твоему, кто? – наконец спросила я.

– В каком смысле, Ян?

– В прямом. Я что, хоть в каком-то месте похожа на хренову простушку Золушку, которую должно осчастливить подобное щедрое предложение, Игореша? – Я закрыла воду и вышла из душа. – Думаешь, я побегу за тобой, как голодная собачонка, и буду по команде ноги раздвигать, когда тебе член почесать приспичит, за то, что ты будешь мне бриллиантовые ошейнички покупать и розовую дорогую бибику подаришь? Думаешь, если я захочу мир посмотреть, у меня могут с этим проблемы возникнуть, и ради этого я стану позволять себя трахать во все щели такому, как ты?

– Яна, ты все слишком опошляешь, – в голосе Рамзина недовольство на такую непонятливую меня.

– Я опошляю? Да куда ж дальше можно опошлить твое охренительное завлекательное предложение продать себя по сходной цене? Только знаешь что, Игореша? Тут ты слегка опоздал. – Моя злость на всю ситуацию, проснувшись сейчас, заставляла меня вскипать и перла наружу, желая найти мишень для себя. – Товар снят с торгов! Уже продано, Рамзин! Или забыл вчерашний ужин? «Я другому отдана и буду век ему верна!»

Я, толкнув Рамзина плечом, выскочила из ванной и стала озираться в поисках моей одежды.

– Где мои хреновы шмотки?

Рамзин проигнорировал мой вопрос.

– Ты не выйдешь замуж за Горинского сынка. Так что об этом можешь просто забыть, – невозмутимо продолжил он.

– Типа, ты это будешь решать.

– Я.

– Пошел ты!

– А вот оскорблять тебе меня я позволю только во время секса. От избытка ощущений. В остальное время это делать я бы не советовал.

Будь я более робкой барышней, наверное, обделалась бы от угрозы в его голосе. Но я не такая, и мы это уже проходили.

– Рамзин, ты всерьез думаешь, что даже если я не выйду за Вячика, то стану спать с тобой за дизайнерские тряпки и дорогие побрякушки? Или, типа, право появляться с тобой на людях и быть оттраханной тобой – такой охренительный бонус, что не стоит и думать дважды?

– Нет, я думаю, у тебя, как у любого человека, есть свои желания и мечты. Чего ты хочешь, Яна? Собственный бизнес? Остров? Стать актрисой или певицей? Скажи, и я дам тебе это в обмен на твое присутствие в моей жизни и постели. Есть у тебя то, чего тебе хочется больше всего, Яночка?

Да, есть. Мне хочется встретить в этой жизни друзей, которые не продадут и не обольют за спиной дерьмом. Хочется найти мужчину – такого, что будет любить меня. Просто любить

искренне и преданно. В любой момент моей жизни. Не бросит, если заболею, и не сбежит к молоденькой шлюшке, когда стану старше. Не причинит боль, выворачивая наизнанку. Такого, которого я не побоюсь полюбить в ответ. С которым моя душа и сердце будут в безопасности. Того, с кем мне будет спокойно и надежно. Смешно, что такая, как я, может мечтать о подобном? Может, и так. Я циничная, бесчувственная, распущенная и избалованная. И я реально не верю, что люди, способные на неподдельные любовь и дружбу, еще не вымерли. И даже соглашусь с тем, что если они и есть, то я ни хрена не заслуживаю их. Но Рамзин ведь спросил, есть ли что-то, чего бы я НА САМОМ ДЕЛЕ хотела. Так вот при всей своей испорченности и неверии ни во что я ХОЧУ именно этого. Настоящей любви и дружбы.

– Того, чего я хочу, тебе никогда не потянуть, Рамзин, – фыркнула я, возвращаясь из своих лирических мыслей в реальность. – А на меньшее я не согласна. Где мои шмотки? Мне домой надо.

– Яна, я очень богатый, а главное, могущественный человек…

– Поздравляю, – перебила я Рамзина и заглянула в шкаф в поисках своих вещей. – В таком случае чего ты ко мне-то прицепился? Сейчас есть масса контор, которые как раз специализируются на поставке спутников и спутниц для таких состоятельных дядей, как ты. Обратись по адресу, и тебе могут и девственницу подыскать красоты небесной, или тебе больше рабыня сексуальная подойдет, наверное. Вот и таскай ее за собой по всему миру на поводке и трахай, когда вздумается, во все дыхательные и пихательные…

Рамзин дернул меня за руку, разворачивая к себе лицом и впечатывая спиной в зеркальную дверцу шкафа. Я вскрикнула, как от ожога, от контакта холодной гладкой поверхности с моей кожей, и рванулась вперед. Но Рамзин схватил меня за горло и придавил, вынуждая остаться на месте. Передо мной опять разъяренный хищник, которому не выказали достаточного подчинения.

– Если бы я хотел шлюху, любую, Яночка, я бы ее купил. Но так уж вышло, что наши пути чудным образом пересеклись, и теперь я хочу именно тебя. Вот уж не знаю, чем ты меня зацепила, но у меня встает каждый раз, как я о тебе думаю. И по хрен знает какой причине думаю я о тебе часто. Слишком часто. Это мешает мне сосредоточиться на работе, причиняет жуткий дискомфорт и дико отвлекает. Трудно говорить о делах, когда у тебя то и дело каменный стояк и яйца звенят от возбуждения. Поэтому я хочу иметь тебя каждый раз, когда это случается. Надеюсь, тогда это несвойственное мне состояние пройдет довольно быстро. И я предлагаю в последний раз согласиться на это добровольно, без давления и каких-то мер с моей стороны.

– А если нет, что будешь делать, Игореша? На цепь посадишь? Бить станешь, пока не соглашусь! К кровати прикуешь и станешь насиловать, пока не сломаюсь?

Рамзин криво усмехнулся и привалился ко мне своей еще обнаженной грудью. Контраст его обжигающей кожи и стекла за спиной запустили внутри меня медленно нарастающее вращение, то самое, что еще не возбуждение, но уже опасно близко. Я молча уперлась в его плечи руками, хотя прекрасно понимала, что мне его не сдвинуть, пока он сам этого не захочет. Рамзин же склонил голову и прошелся приоткрытым ртом по моему виску, ниже по скуле и обратно, даря в одном этом незамысловатом движении больше ласки, чем я сейчас могла бы принять. Одна его рука по-прежнему была на моем горле. Не сжимая или удерживая насильно. Просто демонстрируя ту силу и власть, что он мог на меня обрушить в любую секунду, захоти он этого. Вторая же рука скользнула по моему животу, протискиваясь между нашими телами, и без всяких затей опустилась между моих ног. Причинив легкую боль, его пальцы погрузились в меня, и я не смогла сдержать всхлипа от того, как умело мужчина нажал на мой клитор, моментально поджигая меня, как чертову лужу бензина.

– Мокрая, – прошептал Рамзин, сводя меня с ума круговыми движениями большого пальца на этом сгустке нервов и оставляя два пальца внутри полностью неподвижными.

– Прекрати это!

– Ты этого не хочешь в самом деле.

Ласкающее вращение ускорилось, заставляя меня трястись и задыхаться, и внутренние мышцы все интенсивней сжимались вокруг этих неподвижных пальцев внутри меня. Рамзин отпустил мою шею и, взял за подбородок, резко поднял мое лицо и втолкнул свой наглый язык в мой приоткрытый от тяжелого дыхания рот. Он стал целовать меня жестко, с его обычным, сминающим любое сопротивление напором. Мои ноги уже дрожали и подгибались, и я знала, что оргазм неизбежен и сопротивляться просто глупо. Я позволила своим рукам вцепиться в его волосы и прижала еще ближе к своим губам, целуя не менее агрессивно и жестко в ответ. Мужчина на долю секунды замер, но потом, словно сорвавшись, глухо застонал и атаковал еще сильнее, мстя мне за потерю контроля. Я терлась об него всем телом и обхватила одной ногой, прижимая ближе. Рука Рамзина резко покинула мое лоно, и он отстранился. Мазнув по моим распухшим приоткрытым губам, одаривая собственной влагой, он опять жадно впился, буквально заглатывая меня. Судорожными дергаными движениями Рамзин расстегнул ширинку, освобождая свой уже пульсирующий член. Схватил меня за ягодицы, оторвал от пола и тут же насадил на себя, выругавшись сквозь зубы и запрокинув голову. Я закричала, ударяясь затылком о твердую поверхность зеркала, впитывая боль и удовольствие от такого безжалостного вторжения. Рамзин так и стоял совершенно неподвижно, откинув голову, тяжело дыша и часто сглатывая, наверное, с минуту. А потом он опустил голову и вперся в меня свирепым сжигающим взглядом и, вжав в зеркало, стал вбивать себя с ошеломляющей силой и яростью в мое тело. Для меня, уже доведенной до кондиции его пальцами, все закончилось очень быстро. Я забилась, распятая и пронзаемая мощными движениями мужчины, который требовал каждым из них всю меня без остатка. Мои ногти располосовали бы снова его спину, хоть немного мстя за полную потерю контроля, не будь на нем рубашки. Боль словно подстегнула его, и Рамзин почти сразу последовал за мной, едва не размазывая меня, врываясь финальными рывками как можно глубже.

– К вопросу о том, придется ли мне хоть когда-то тебя насиловать, – отдышавшись, сипло сказал Рамзин, отпуская меня и тут же разворачивая к зеркалу лицом. На меня смотрели собственные ошалевшие глаза с огромными зрачками, а распухшие от жестоких поцелуев губы были раскрыты, как будто я была такой же ненасытной, как и самец, темной тенью маячивший за моей спиной. Да, может, я могла бы лгать всем вокруг, ему, даже, может, себе потом, когда успокоюсь и спрячу глубоко внутри эту часть истинной себя, что смотрела через мои расширенные зрачки. Но прямо сейчас на меня из зеркала взирало существо, которого я не знала, но от этого оно не было в меньшей степени мною. Рамзин коснулся своим большим пальцем моих припухших губ, вынуждая открыться и давая ощутить запах секса, и медленно повел вниз от подбородка и до самого лона, заставляя снова содрогаться.

– В этом мы совпадаем идеально, Яночка, – пробормотал он, царапая зубами мое плечо. – Остается договориться обо всем остальном.

Глава 8

– Если думаешь, что, затрахав меня до нестояния, ты сможешь заставить меня делать то, чего я не хочу, то раскинь мозгами еще раз. – В этот момент по бедрам потекло. – И какого черта ты не надел эту хренову резинку?

– Ты здорова. Я тоже. И ты на таблетках. Не вижу особой проблемы. Если честно, после этого раза я вообще больше не хочу пользоваться с тобой защитой.

– Откуда ты знаешь про болячки и мои таблетки? – тут же напряглась я.

– Если меня кто-то интересует, то я узнаю о нем или о ней все. В прямом смысле ВСЕ.

– Ты что, как эти психи из триллеров?

– Нет, я просто привык обладать всей информацией, которую можно получить свободно, купить за деньги или добыть любым другим способом.

– Другим – это просто украсть?

– Любым из возможных, – безразлично пожал плечами мужчина, и я почувствовала укол страха.

– Так, ладно, Рамзин, это уже реально не смешно и жутко утомляет. Поиграли и хватит. Верни мою одежду и кольцо, я сваливаю из твоего дурдома, а ты можешь и дальше продолжать тут играть в свои игры с доминированием, или там «монополию», или, не знаю, в любую другую хрень, – уперлась в грудь мужчины и толкнула со своей дороги. С тем же успехом могла упереться в стену.

– Никто здесь не играет, Яночка. Я сделал тебе совершенно конкретное предложение, – Рамзин опустил глаза на мои руки на своей груди и с ухмылкой накрыл их своими ладонями, прижимая плотнее. – Не стесняйся, я люблю пожестче.

Я проигнорировала его попытку поддразнить меня и даже избегала встречаться глазами. Ибо как-то неправильно это на меня действует.

– А я совершенно конкретно отказалась от твоего предложения. Все, конец истории, в этом месте сценария мы расходимся, чтобы не встречаться больше никогда.

– Этот вариант неприемлем. Отрицательный ответ не принимается. – Мужчина все же отстранился, недовольно нахмурившись, и при этом я четко ощутила, что выпадаю прямо сейчас из поля его зрения, и он будто погружается в свои мысли, так, словно и правда с этого момента не собирался более со мной считаться. – Что же, значит, решать все буду я сам. Сейчас я уже опаздываю на встречу с твоим отцом и Гориным. Кольцо я тебе не верну, потому что отдам его этому твоему горе-жениху. А одежда тебе не нужна, потому что ты остаешься здесь ждать меня. По дому можешь ходить и в моем халате.

– Господин Рамзин, если всерьез думаете, что отсутствие каких-то тряпок остановит меня от того, чтобы свалить отсюда на хрен, то вы ни черта не почерпнули из всей той инфы, что нарыли на меня. Я уйду отсюда хоть в твоем халате, хоть вообще голой. И, я думаю, подвезти меня до дому в столь экзотичном виде найдется масса желающих. – Я демонстративно сложила руки на груди, давая понять, насколько серьезно настроена.

Если Рамзин собирал обо мне сведения, в том числе и в интернете, то мои многочисленные пьяные выходки, как, впрочем, и сплетни, многократно их преувеличивающие, вряд ли могли ускользнуть от его внимания. Как и то, что все, даже кто притворялся моими друзьями, считали меня абсолютно безбашенной и бесящейся с жиру и безделья доченькой богатого отца. Мне всегда было тупо поровну на мнение окружающих и на то, как это выглядит со стороны. Даже очень нравилось, что именно такой – на всю голову отмороженной – меня все и воспринимают, не лезут в душу и не предлагают дружбу, соблюдая дистанцию, будто я слегка заразная. По крайней мере, я точно знала, что если кто и приближается, значит, ему чего-то очень сильно от меня нужно. Но сейчас на полвздоха мне вдруг стало жаль, что этот мужчина,

посмотрев на все это, воспримет меня так же, как и все остальные. Но это кратковременное помутнение рассудка быстро прошло. Он такой же, как все.

Рамзин прищурился, прибивая меня к месту взглядом. Я сделала то же самое. Скопировала его позу и уставилась в ответ, не обращая внимания, что стояла голая перед ним. Это не то обстоятельство, что могло смутить меня.

– Ладно, – неожиданно покладисто кивнул он и даже криво улыбнулся, будто ему и правда в голову пришла хорошая идея. Хотя у меня он со словом «хорошая» чего-то в одном предложении никак не склеивался. Неспроста это. – Поедешь со мной. Понаблюдаешь за процессом. Тебе это пойдет на пользу. Оценишь на будущее, стоит ли рыпаться.

Что, собственно, он этим хотел сказать? Но пояснений не последовало. Мужчина вышел из комнаты и вернулся через несколько минут с моей одеждой. При этом он говорил с кем-то по телефону.

– …да. Появилось некое обстоятельство. Я опоздаю максимум на полчаса – минут сорок. Да. Благодарен за понимание.

Кто еще умеет говорить слово «благодарен» так, словно делает охренительное одолжение собеседнику?

Рамзин отключился и бросил мои вещи на постель.

– Одевайся и приходи на кухню. Перекусишь и поедем.

– Я курить хочу.

– Не раньше, чем позавтракаешь. Да и вообще ты бросаешь. Терпеть не могу этот запах.

– Ну так не терпи. Я же не навязываюсь, – безразлично пожала плечами.

– Яна, если я говорю, что ты бросишь курить, то так оно и будет. Как, впрочем, и бухать, и глотать всякую хрень. Не сможешь сама – обратимся к специалистам.

– Рамзин, я дрессировке не поддаюсь! Не веришь – у меня спроси, – презрительно фыркнула, направляясь снова в ванную.

– Яночка, результаты зависят от того, кто дрессирует. А я это умею. И ты это проверишь на себе. И привыкай меня звать по имени. А то как-то неудобно между любовниками такие формальности.

– О, да брось ты! То, что мы пару раз перепихнулись, еще не повод для такой интимности, – огрызнулась я.

Рамзин же только безразлично качнул головой, как бы говоря, что никуда я не денусь, и ушел из комнаты. Приведя себя в относительный порядок, я босиком с туфлями в руках тихонько прошлепала мимо кухни, где чем-то гремел Рамзин, прямо к входной двери. Но только для того, чтобы понять, что она заперта. Подергав и повозившись с ручкой, я шепотом выругалась.

– Далеко собралась? – раздался за спиной голос Рамзина.

– Отсель не видать, – ответила, опираясь спиной о непреодолимую преграду. – Дверь открой, маньячила.

– Иди ешь. Мы опаздываем, между прочим, – терпеливо сказал мужчина.

– Да не хочу я есть в такую рань! Меня тошнит еще! – раздраженно выкрикнула я.

– Почему я даже не удивлен? – на лице ни один мускул не дрогнул.

– Любишь сам с собой поговорить?

– Нет, предпочитаю благодарную аудиторию.

– Ну, сейчас ты точно с этим промахнулся.

– Яна, я ненавижу повторять. – Вот теперь хищник явно начал раздражаться. Выбесить кого угодно на пустом месте – это я умею и даже люблю. – Просто зайди, сядь за этот чертов стол и съешь хоть что-то.

Я, конечно, упертая, но устраивать препирательства перед закрытой дверью, тем более с такой не менее упрямой скотиной, как Рамзин, считаю бесперспективным, потому как «упер-

тая» не синоним «тупой». Прошла на кухню и с миной приговоренной к смерти села за стол. Рамзин, хмыкнув, поставил передо мной тарелку с выглядящей для меня неаппетитно фигней из яиц. Похоже, что омлет. Пахнет неплохо, но разве могу я это признать добровольно? Я капризно скривилась.

– Я завтракаю только кофе и бутербродами.

– Учту на будущее. А сейчас ешь, что есть.

– Не буду я эту бурду! – ковыряясь в тарелке, проканючила я.

– Яна! – рявкнул Рамзин так, что посуда задребезжала, но тут же смягчился: – Пожалуйста, не будь ребенком.

– А что ты против детей имеешь, Рамзин? У тебя свои-то есть? Ты вроде уже не юноша.

Неожиданно лицо мужчины помрачнело настолько, что даже мне с моим вечным похеризмом захотелось как следует прикусить себе язык. Рамзин прибил меня к месту таким убийственным взглядом, от которого я чуть не стекла под стол.

– Ешь! Или выметайся из-за стола! – рыкнул он.

Я обиженно уткнулась в тарелку и стала запихивать в себя омлет. На самом деле он был очень вкусным. Последний раз такой готовила мне мама. Рамзин все это время стоял спиной ко мне и с совершенно отсутствующим видом смотрел в окно. Вся его поза сигналила о том, что он сейчас думает или вспоминает о чем-то далеко не самом приятном, и, я бы даже сказала, болезненном.

– Не так уж и плохо, – буркнула я, покончив с едой, и Рамзин заметно вздрогнул, возвращаясь в реальность. – Спасибо, что не дал умереть с голоду.

Мужчина как-то рассеянно улыбнулся, и маска безжалостного и вечно готового ко всему хищника слетела. Всего на пару секунд передо мной стоял совсем другой Рамзин. Все такой же сильный, но еще и немного уязвимый. Просто мужчина с нормальными эмоциями. Тот, кому бывает больно и одиноко. И в этот момент я ощутила себя буквально очарованной этой его стороной. За внешним жестким фасадом мелькнуло на краткий миг что-то завораживающе настоящее, и это ударило меня прямо в центр груди, забираясь в самую глубь. Но хорошего понемножку, и властный зверь вернулся так же быстро, как и отступил.

– Обувайся и поехали, – скомандовал он.

Я подчинилась, бухтя себе под нос, что становлюсь уже какой-то дрессированной зверушкой, на что мой любовник высокомерно хмыкнул. Ну да, радуйся, пока твоя очередь.

На крыльце я все же наконец закурила, с наслаждением заглатывая дым, и с удовольствием наблюдала, как раздраженно на меня поглядывал Рамзин с заднего сидения машины, говоря по телефону. Сегодня нашими сопровождающие опять были два здоровенных амбала, правда, хоть убейте меня, я бы не сказала, те же это, что и вчера, или нет. Видела только, что они косятся на меня немного недоуменно и нервно, чувствуя волны раздражения, исходящие от хозяина. Когда я села в салон, мы немедленно выехали, вливаясь в плотный утренний поток транспорта. Рамзин продолжал висеть на телефоне и на этот раз с кем-то бегло говорил на английском. При этом смотрел он на меня не отрываясь из-под своих чуть опущенных, длинных, густых ресниц. Бабам бы удавиться за такие. И его взгляд снова был наполнен той же степенью голода, будто мы и не трахались почти всю ночь напролет и не добавили с утра пораньше. Он медленно и неприкрыто греховно то проходился по моим припухшим губам, то спускался к груди или бедрам и так же не спеша следовал обратно. И несмотря на то, что у меня ломили и болели все мышцы внутри и снаружи, эта неприкрытая ненасытность, откровенно читаемая в его глазах, пробиралась мне под кожу, как будто это были его наглые, повсюду проникающие пальцы. Усталость и пресыщенность, вроде наполнявшие до краев тело, преображались в новую дрожь зарождающегося желания. Так, словно хотеть этого мужчину должно было стать моим перманентным состоянием. Разумом я с этим была не согласна, но, похоже, моему телу глубоко начхать на это согласие. Его больше устраивало руководство расположившегося

рядом мужчины, а не мои запрещающие реагировать на откровенные провокации директивы. Не желая просто сидеть и тупо плавиться чертовой карамельной лужей под наглыми зенками Рамзина, я уставилась на него в ответ. В эту игру можно играть вдвоем. Я приклеилась бесстыдным взглядом к его рту, что сейчас доносил до кого-то, наверное, весьма важную информацию, и заметила, как дрогнули ноздри мужчины. Потом нахально прошлась по его телу, неприлично долго задержавшись на ширинке, где тут же стали происходить некие изменения, и вернулась к глазам, посмотрев из-под ресниц и приоткрыв губы.

Рамзин нажал на отбой.

– Не играй со мной в эти игры, Яночка, – хрипло и угрожающе произнес он.

– А иначе что?

– Мы торопимся, но я наплюю на это и попрошу парней припарковаться у обочины и постоять спиной к машине снаружи, пока мы с тобой не закончим. Но мне так казалось, что для тебя и так немного чересчур, и я по доброте душевной хотел дать тебе до вечера передышку. Но если тебе она не нужна…

– Слушай, Рамзин, а ты помереть раньше времени не боишься от чрезмерной половой активности? Сколько тебе лет-то? Тридцать пять, сорок?

На самом деле он не выглядел даже на тридцать. Может, конечно, здоровый образ жизни и все такое. Вообще-то, мой отец тоже сильно был озадачен своим здоровьем, но возраст-то никуда не денешь. Хотя, надо помнить, что у моего отца была я. Ходячая катастрофа, и заноза в заднице, которая ежедневно пила с него кровь литрами, по его же заверению. Вдруг в этом все дело?

– Если опасаешься, что я слишком стар, чтобы удовлетворять твои сексуальные аппетиты, то расслабься. На тебя у меня здоровья хватит более чем.

– Ну да, опять же, фармацевтическая промышленность вам, мужчинам, в помощь. Чудо-таблетки всякие.

– Яночка, на тебя у меня стоит круглые сутки и без химических чудес. И, думаю, это довольно надолго.

– Это мне льстить должно?

– Ты даже не представляешь насколько.

Блин, вот как может так быть, что хочется увидеть, как голова этого засранца лопнет, как арбуз, от самодовольства, и в то же время внутри все сворачивалось болезненно-сладостным комом, когда на секунду представила, что он прямо сейчас воплотит свою угрозу с незапланированной остановкой в жизнь. Так, дорогая, похоже, правы те, кто тебе уже много лет советуют буйную головушку подлечить. Доигралась ты, Яночка.

– Мальчики, и часто вам так приходится гулять возле машинки, пока босс предается разврату? – переключила я свое внимание на сидящих впереди громил. Но никто на меня не среагировал, и только сука Рамзин нахально ухмыльнулся.

– Они у тебя только по определенной команде говорят? Типа: «О'кей, Гугл, скажи, как мне избавиться от одного ходящего при дневном свете похотливого упыря?»

Рамзин нахмурился и открыл рот, но опять зазвонил его телефон.

– Ненавижу повторяться, но, видимо, пункт о том, когда тебе можно оскорблять меня, а когда этого делать не стоит, придется напомнить тебе гораздо настойчивее, – сказал Рамзин таким тоном, что пословица «повторение – мать учения» заиграла новыми красками.

Я отвернулась к окну, потому как дальнейшие гляделки и взаимные уколы правда могли плохо кончиться. Моя задача сейчас – добраться куда-нибудь и свалить от этого слегка пугающего мужика в закат.

К тому времени, как Рамзин закончил очередные переговоры, я поняла, что мы находимся уже буквально в паре кварталов от отцовского офиса. И это мне не сказать что понравилось.

– Ты что, не шутил по поводу встречи с моим отцом? – насторожилась я.

– А я в тот момент выглядел веселым?

– Слушай, кончай свои еврейские приколы и ответь мне нормально. Зачем тебе встречаться с моим отцом?

– Я бы, конечно, объяснил тебе все, но ты ведь сама настояла на поездке. Так что прояви терпение – и все увидишь сама.

– Иди ты! Я не хотела никуда с тобой ехать. Я просто хотела вернуться домой, ясно?

– Ну, к вопросу о доме данный визит тоже имеет непосредственное отношение.

– Если думаешь, что я стану светиться с тобой на людях, а тем более перед отцом и Гориными, то ты ошибаешься.

– Полагаешь, у тебя есть выбор в этой ситуации, Яночка? Наивная ты чукотская девушка! – пророкотал Рамзин, подаваясь вперед. – А фамилию своего женишка несостоявшегося можешь вообще забыть на веки вечные.

– Рамзин, скажи честно, у тебя какой диагноз? А то мне раньше с настоящими психами спать не случалось, вот и хочу запомнить на будущее. Авось пригодится.

Рамзин выбросил вперед руку так стремительно, что я даже вскрикнуть не успела. Жесткие пальцы впились в затылок, и мое лицо через секунду оказалось в миллиметре от физиономии моего любовника, которая сейчас больше походила на маску взбешенного хищника.

– Поверь, в будущем тебе такая информация не пригодится, – прорычал он и обрушил на мои и без того многострадальные губы один из своих карающих поцелуев.

А я, вместо того, чтобы хотя бы укусить, ответила так же жестко, вцепившись ему в волосы и прижав так, как если бы предотвращала его попытку побега. Рамзин мгновенно разогрелся до миллиона градусов и задрожал, поджигая и меня. Сдавленно застонав, он втащил меня себе на колени, усадив поверх самого натурального куска горячего камня в своих штанах. Я же, совершенно ошалев за считанные секунды и потеряв связь с реальностью, стала тереться об него, не разрывая разносящей все в клочья стихии нашего поцелуя. Бедра мужчины яростно толкались мне навстречу, а руки шарили по телу, забираясь под топ и торопливо расстегивая на мне джинсы. Неожиданно с передних сидений раздалось хоть и тактичное, но достаточно громкое покашливание. Рамзин оторвался от меня и уставился абсолютно пьяными глазами, словно силясь понять, что случилось, и тяжело, хрипло дыша.

Глава 9

– Твою же ж мать! – глухо пробормотал он и буквально спихнул меня с коленей.

На одну секунду выражение его лица стало реально ошарашенным, а потом он снова закрылся.

Я, окинув себя не менее ошалевшим взглядом, была с ним полностью согласна. Что это за хрень вообще с нам творится, стоит только дотронуться друг до друга? Надо это как-то прекращать.

– Дальнейшие указания будут? – невозмутимо пробасил один из амбалов.

Надо же, они все же без команды разговаривать умеют.

– Паркуйтесь и идите с нами, – севшим голосом отдал приказ Рамзин и зыркнул на меня так, будто я воплощение мирового зла.

– Я с тобой туда не пойду, – вспомнила я с чего, собственно, и начался этот… ну, скажем, разговор.

– Не пойдешь – тебя понесут, – Рамзин уже полностью взял себя в руки и звучал опять с ледяным безразличием к мнению окружающих, включая и меня.

– Хочешь устроить сцену прямо в офисе моего отца? – прищурилась я.

– Яночка, это ты у нас специалист по экстравагантным попыткам всячески привлекать к себе внимание. Так что ты мне скажи: нас ждет небольшое шоу, или ты войдешь туда как нормальный цивилизованный человек.

– Я не пытаюсь привлекать к себе внимание, придурок, – мгновенно разозлилась я. – Я просто делаю что хочу и что считаю нужным.

– Вот и я о том же. Может, попробуешь несколько минут повести себя так, будто и другие люди, кроме тебя, имеют хоть какое-то значение. Авось тебе понравится? – презрительно хмыкнул Рамзин.

– Ты меня с собой-то не путай. – Я открыла дверцу и решительно зашагала ко входу.

– Вот и умница, – мурлыкнул зверюга мне прямо в ухо, моментально догоняя.

– Пошел ты, упырь.

– Это уже второе предупреждение.

– Мне надо испугаться?

– Продолжай повышать счет и узнаешь.

Секретарша моего отца Светочка, увидев Рамзина, разулыбалась так, что я испугалась, как бы у нее щеки не треснули. Ладно, ни черта я за нее не испугалась, но чего так скалиться-то? Еще бы на стол легла и ноги раздвинула для окончательной ясности. Но увидев меня и быстро оценив мой внешний вид, как и то, как непозволительно близко для случайного попутчика ко мне стоял Рамзин, она разом скисла.

– Господин Рамзин, вас уже давно ожидают, – сладким голосом сообщила она и тут же совершенно холодно обратилась ко мне: – Ты что-то хотела, Яна? Мне сообщить отцу, что ты здесь?

И снова прошлась по мне неодобрительным взглядом.

– Яночка, пришла со мной. И принесите ей кофе в кабинет. Черный, как она любит, – по-царски распорядился Рамзин и положил на мою поясницу ладонь с растопыренными пальцами, как будто хотел захватить максимум пространства, подталкивая в сторону кабинета.

– Может, ты мне еще на лбу красным маркером напишешь: «Яночка пришла со мной!» – прошипела я. – А то вдруг кто не догадается.

– Если посчитаю нужным, я тебе на лбу собственную печать нататуирую, – даже без тени юмора отозвался этот наглец.

– Подонок! – огрызнулась я.

– Это три, – пожал широкими плечами Рамзин, вталкивая меня в кабинет отца.

А я вспомнила, как напрягаются и перетекают мышцы на этих плечах под гладкой потной кожей, когда он…

– Яна?! Ты-то тут как оказалась? – раздался озадаченный голос моего отца.

Он, как и Горины, поднялся, само собой, приветствуя не меня, болезную, а господина Охренительного Перца за моей спиной. И этот самый господин явно не был настроен ходить вокруг да около. Самодовольно ухмыляясь, он подтолкнул меня к длинному гладкому столу и выдвинул стул.

– Садись, – скомандовал он.

– Сидеть, лежать, стоять… – пробурчала я и заработала раздраженный взгляд отца и напряженно-недоуменный от Вячика.

Опомнившись от нашего с Рамзиным появления, мой жених наконец натянуто улыбнулся мне.

– Привет, – тихо сказал он и попытался протянуть руку, чтобы коснуться моей через стол.

Но ровно на середине пути его поползновение было пресечено господином Рамзиным, который с силой опустил мое помолвочное кольцо строго посередине стола, четко проводя границу допустимого. Вячик растерянно посмотрел на кольцо, потом на мою руку и поднял глаза на Рамзина, стоявшего прямо у меня за спиной. Тот же нагло оскалился ему в ответ и опустил свою нахальную конечность мне на плечо. Ну, прямо зверюга, открыто демонстрирующая, что эта добыча ее, поставив на нее свои лапищи, и делиться она ни с кем не намерена. Я раздраженно дернула плечом, стряхивая с себя его ладонь, но, будто в наказание, теперь обе руки легли на мои плечи, не сильно, но ощутимо удерживая на месте.

– Кхм-м-м, – решил все же разбавить всеобщее недоумение мой отец. – Могу я узнать, что все это, собственно, значит, Игорь?

Я фыркнула.

– А меня спросить не хочешь, пап? Это вроде как мое кольцо, – возмутилась я.

Пальцы на моих плечах сжались, не больно, но достаточно жестко.

– Это означает, что никакой свадьбы не будет, – холодно ответил Рамзин.

– Что? – Вячик подался вперед, и выглядел он взбешенным.

– Свадьбы не будет. Ты передумал жениться и очень рад, что милая девочка Яна с тобой в этом солидарна. И ты больше не будешь ей звонить, писать и вообще общаться или интересоваться ее судьбой, – прямо-таки диктовал Рамзин медленно и с нажимом, словно вещал для тормозов, и каждое слово было похоже на тяжелый камень, который не сдвинуть просто так. – А теперь возьми свое колечко, мальчик, и топай отсюда. Для дальнейших переговоров ты мне без надобности.

Вячик изменился в лице, его глаза перестали сверкать праведным гневом и стали какими-то пустыми. Он послушно взял кольцо со стола, сунул его в карман.

– Прошу прощения, я должен покинуть вас, – как-то механически произнес бывший жених и, рассеянно улыбнувшись, обошел стол и направился к выходу. Но в последний момент он обернулся и посмотрел на меня, провожавшую его офигевшим взглядом. Он моргнул раз, два, будто силясь что-то вспомнить.

– Яна, – пробормотал он и сделал небольшой шаг навстречу.

– Просто уходи! – в голосе Рамзина теперь не просто давление, это прямо какая-то массированная атака, противостоять которой, наверное, не в силах человека. У меня появилось ощущение, что мой позвоночник сплющивает так, как будто земное притяжение усилилось раз в сто. Я, обалдев, открыла рот, даже и не зная, как выразить степень своего возмущения, а Вячик резво развернулся и быстро вышел из кабинета.

– Ну, а теперь продолжим, – будничным тоном сказал Рамзин надо мной, и я посмотрела на онемевших отца и Горина-старшего.

– Да какого хрена тут было? – опомнившись, взвилась я, вырываясь из цепких лап Рамзина и, судя по лицам, выражая общую мысль.

– Яночка, сядь, – бесстрастно кивнул мне мой любовник.

– Иди ты! – вышла из себя я. – Будешь своим псам здоровенным приказывать. Они у тебя идеально дрессированные.

– Это уже четыре, дорогая. И у меня все идеально дрессированные, Яночка. Очень скоро ты сама все увидишь и поймешь.

– Игорь, в самом деле, я бы хотел получить объяснение происходящему, – подал голос мой отец.

– Да! Какого черта тут только что произошло? – возмущенно поддержал его Горин.

Рамзин повернулся к ним и одарил хищной ленивой улыбкой.

– А произошло то, что твоя дочь, Паша, решила, что не готова пока выходить замуж. Она решила взяться за ум и заняться своей карьерой, – Рамзин опять говорил медленно, словно с усилием вталкивая каждое слово в сознание собеседников. – Девочка она молодая, с нестандартным мышлением, хочет посмотреть мир и поучиться жизни.

– Что ты городишь? – я подступила к этому психу и глянула в лицо.

Рамзин же не обратил на меня внимания и продолжил, сконцентрировавшись на замерших отце и Горине, которые внимали ему с сосредоточенными лицами.

– Я предложил Яночке место моего личного помощника, и она с радостью согласилась. Теперь она будет повсюду путешествовать со мной, жить в моих домах и проводить со мной все свое время.

Я нервно рассмеялась и уставилась на отца, ожидая, когда он вежливо, но однозначно пошлет Рамзина куда подальше. Но папа только кивнул, довольно улыбаясь.

– Это просто замечательно! – сказал он. – Я уже и не чаял дождаться, когда ты, доченька, за ум возьмешься.

– Чего?!! – Я, выйдя из себя, с силой толкнула Рамзина в плечо. – Что это еще за цирк?

Мужчина только чуть покачнулся от моего толчка, но спокойно продолжил:

– Больше не будет никаких загулов и пьянок, никаких вечеринок и позорных статей в СМИ и интернете, – монотонно продолжал он, а мой папаша кивал с улыбкой самого счастливого идиота в мире. Только что не прослезился. – Теперь Яночка у нас будет занята работой. Будет сама зарабатывать себе на жизнь. Поэтому, Паша, ты больше не дашь ей ни единой копейки. Даже если она будет рыдать, умолять и заверять, что от этого зависит ее жизнь. Мы поняли друг друга?

– Да, – ответил отец.

– Также в твоем доме для нее больше нет места. Отныне она живет только там, где я скажу.

– Да, – опять повторил мой отец, и мои глаза реально уже полезли из орбит.

– Ты не будешь никогда искать Яну или названивать ей. Она сама будет с тобой связываться и сообщать, что все у нее прекрасно.

Когда мой отец послушно кивнул в третий раз, я поняла, что самое верное решение сейчас – бежать так быстро, как только сумею. Обдумывать увиденное я буду потом, когда смогу соображать адекватно.

Рванувшись от Рамзина, я в два прыжка достигла двери и, распахнув ее, врезалась в твердую, как камень, грудь одного из громил. Тот молниеносным движением перехватил меня поперек тела, с легкостью разворачивая назад. Но я не готова была сдаваться и стала извиваться, как угорь в его захвате, тем более что он не сжимал меня слишком сильно, видимо, опасаясь покалечить.

– Вызывай полицию! – завопила я секретарше Светочке, которая тупо наблюдала за этой картиной, хлопая своими коровьими ресницами.

– Яна, тебе стоит успокоиться, – невозмутимо сказал Рамзин и кивнул амбалу, удерживавшему меня.

Тот просто взял и закрыл мне рот своей лапищей, в которую я без всяких раздумий тут же вонзила зубы, пинаясь изо всех сил. Но мужик оказался хренов терминатор. Он даже не вздрогнул, а я, поверьте, не стеснялась сделать ему больно. Удостоверившись, что рот мне заткнули, Рамзин повернулся к Горину. У меня от злости и страха и бессмысленных барахтаний кровь так грохотала в ушах, что я почти не различала слов, только улавливала ту же самую давящую интонацию в голосе Рамзина, когда он стал промывать мозги Горину. Что-то там про то, как он должен быть счастлив тем, что его сынок избежал этого брака, и что он, то бишь Рамзин, намерен инвестировать в их этот новый проект, и на хрен я никому никуда не упиралась в качестве гарантии. А еще о том, что о моем существовании тоже стоит забыть и не интересоваться, где я и что со мной. Горин тоже послушно кивал в ответ и повторял то, что желал Рамзин, и с каждой секундой мой страх обращался в откровенную панику, мешая дышать и нормально думать. Выходит, какой-то ненормальный просто пришел и раздал всем указания, по сути, забыть, что я есть на белом свете, и теперь я в его руках, и никакой уверенности, что намерения у него добрые, у меня нет. Потому как добрые люди не ходят и не вбивают в мозги остальным любую угодную им хрень. Постойте-ка. Нормальные люди вообще ничего такого не делают, будь они добрые или злые и даже триста раз полоумные! Это абсурд какой-то! Я с ужасом уставилась в широкую спину Рамзина, или кем там он был на самом деле! Будто почувствовав мой взгляд, мужчина повернулся ко мне и улыбнулся лениво и торжествующе. И я забилась в хватке удерживающего меня охранника отчаянно и почти истерично. Рамзин же подошел вплотную и нежно провел пальцами по моей щеке.

– Ну что, поехали домой, МОЙ маленький ураганчик! – И от этой фразы у меня заледенела каждая клетка в теле.

Ну что, Яночка, допрыгалась? Хотела узнать, как это – переспать с властным и загадочным незнакомцем. Ну так наслаждайся, мля, идиотка!

Глава 10

Вот я всегда спрашивала себя, почему это в тупых боевиках показывают, что похитить человека из людного места посреди беда дня – это как два пальца об асфальт. Так вот, исходя из своего свежайшего опыта, заявляю – это гораздо проще. Меня, дочь президента компании, между прочим, умницу и красавицу (по его последнему заявлению) абсолютно без всякого напряга внесли в лифт мимо по-прежнему пребывающей в ступоре папиной секретарши, а потом спокойненько протащили мимо охраны в холле здания. Ни одна сволочь даже не подумала позвонить в полицию или там ФСБ, ну, или кто там громкими похищениями занимается. Потому что, уж поверьте, я была достаточно громкой, хоть рот и оставался зажатым. Хотя бы для приличия кто-то мог поинтересоваться, что, собственно, происходит. Все провожали нас равнодушными взглядами, продолжая свои никчемные делишки. И это при том, что я уж точно не выглядела радостной, извиваясь и брыкаясь, мыча и сопя в зажимающую мой праведный гнев лапищу. Когда меня, надо признать, достаточно бережно впихнули в салон авто, я уже практически выдохлась, поэтому, для того что бы сказать Рамзину все, что я о нем думаю, нужно было отдышаться. Зато эта самодовольная скотина уставился на растрепанную, потную и раскрасневшуюся меня бесстыдным раздевающим взглядом, вызывая непреодолимое желание располосовать его красивую физиономию.

– Знаешь, Яночка, мне так нравится в тебе то, что ты все делаешь страстно. И в сексе, как одержимая, и сопротивляешься так отчаянно, – он наклонился вперед к самому моему лицу. – И это меня охренеть как заводит.

Я замахнулась влепить по его наглой роже, он без труда перехватил мою руку.

– Не стоит начинать прелюдию прямо сейчас, ненасытная ты моя. У нас еще дела, да и перекусить стоит. Потому что когда до постели доберемся, как-то не до этого будет, – Рамзин поцеловал мои пальцы, неотрывно глядя мне в глаза.

И если я и думала вцепиться в этот момент ногтями, куда дотянусь, почему-то сил осуществить замысел не нашлось. От контакта его губ с моей кожей от кисти тут же бодро помчался обжигающий ручей, который, достигнув солнечного сплетения, брызнул во все стороны мгновенным воспоминанием о том, как эти губы ощущались во всех тех местах на моем теле, где им случилось побывать. А случилось, надо сказать, практически везде. Прошлой ночью господин Рамзин проявил завидное рвение в том, чтобы отметиться почти на каждом сантиметре моей кожи. Она тут же обратилась в сплошное средоточие чувственной потребности, а все мои внутренности стали жидкими и потекли между ног под силой тяжести. Я выдернула конечность из захвата и потрясла головой.

– Рамзин, или как тебя там, ты что, думаешь теперь, когда я знаю, что ты какой-то хренов пришелец, то я снова к тебе в постель лягу?

Вот прямо сейчас после всего пережитого я должна однозначно пылать гневом и возмущением. Правильно? Ну или там пребывать в шоке, к примеру. Ну, на самый крайний случай забиться в истерике, ведь так? Совершенно логичный вариант развития событий. Ну уж точно никак не представлять этого загадочного гуманоида, с которым по собственной тупости оказалась в постели, снова голым, потным, с откинутой в экстазе головой и издающим эти потрясающе дикие стоны, когда он загоняет в меня свой член. Но у меня, видимо, стойкое психическое расстройство, или открылась там нимфомания (надо при случае погуглить симптомы), потому что именно обнаженным и содрогающимся в экстазе я его сейчас и вижу, и мое собственное тело презрительно демонстрирует неприличный жест всем моим попыткам призвать его к адекватности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.